

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*Удача
не плачет*

- Держись от меня подальше, - сказал он.
Но она не послушалась.

Юлия Владимировна Климова
Удача не плачет
Серия «Дженни», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57209915
Удача не плачет:

Аннотация

Дженнифер живет в семье родственников, а это не те люди, которые станут искренне заботиться о чужом ребенке. К тому же их беспокоит тайна рождения девочки. Кто ее отец? Где он? И почему мать дала ей такое странное имя? Оказывается, на эти вопросы может ответить старая няня, и жизнь Дженни кардинально меняется. Собрав вещи, она едет к отцу, в дом, где добро и зло переплетаются, а любовь не имеет права на ошибку...

Содержание

Глава 1. И пусть тайна стучится в дверь	5
Глава 2. Имя моего врага	16
Глава 3. Мой смелый день	24
Глава 4. Я ваша дочь?	40
Глава 5. Когда решается судьба	64
Глава 6. Мой новый дом	76
Глава 7. Большая Медведица	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Юлия Климова

Удача не плачет

*На вкус – как последняя капля дождя.
На вес – как туман на краю октября.
На взгляд – как печаль пожелтевших страниц.
На боль – как смерть подстреленных птиц.*

*Люби меня, слышишь? Люби до конца.
Чтоб взгляды тонули, слезились глаза,
Чтоб мысли срезали скопище лет,
Чтоб я не искала вопрос на ответ.*

Глава 1. И пусть тайна стучится в дверь

Я помню лишь три случая, когда узорчатые стрелки больших каминных часов останавливались. Они будто хотели ненадолго победить время, чтобы предупредить обитателей дома о событиях, которые непременно сотрясут устоявшуюся жизнь. Потому что каждый раз происходило нечто важное и тревожное.

Пять лет назад на чердаке вспыхнул пожар.

Четыре года назад наш школьный автобус закрутило на льду, и он врезался в фонарный столб.

А прошлой осенью на поселок обрушился ураган, вырвавший с корнем несколько деревьев и расколовший мою любимую березу надвое. Точно огромный великан взмахнул топором и... нет березы.

Да, было три таких случая, и вот теперь стрелки вновь замерли, всегда показывая полночь.

– Дженни, ты собираешься так стоять вечно? – раздался недовольный голос тети, и я отдернула руку от часов. – Возможно, тебе пора подумать об уроках. Или хотя бы уберишься в своей комнате.

– Хорошо, – быстро произнесла я, зная, что ответ не долетит до слуха Марины Аркадьевны, он ей попросту не ин-

тересен.

«Если ты сирота, живущая у родственников из милости, то знай свое место», – как-то сказала она, и, немного поразмыслив, я приняла данное условие.

В этом доме не так уж и плохо быть привидением: ты бесшумно скользишь по полу, мечтаешь, поздно ложишься спать, читаешь, опять мечтаешь и лишь изредка выслушиваешь нравоучения. Обычно, бросив пару-тройку воспитательных фраз, Марина Аркадьевна уходит, оставив после себя стойкий аромат сладких духов и легкое недовольство, дрожащее в воздухе. И я вновь становлюсь свободной на долгие дни.

Дядя еще меньше интересуется моей скромной пятнадцатилетней персоной. Наверное, если бы я собрала вещи и ушла, он бы даже не заметил. Хотя... Однажды я слышала, как он сказал Марине Аркадьевне: «Я опасаюсь, что эта девочка научит Вику чему-нибудь плохому. В ее генах течет порочная кровь, никто же не знает, где шастала моя разлюбезная сестра и кто отец нашей племянницы. Дженнифер... Тьфу. У нее даже имя непристойное!»

Проводив взглядом тетю, я вновь посмотрела на остановившиеся стрелки часов и тихо произнесла:

– Что-то произойдет. Обязательно. И очень скоро...

Да, меня зовут Дженнифер. Кратко – Дженни. И я не знаю, отчего мама дала мне такое странное имя. Но когда-нибудь я разгадаю эту загадку. Должно же быть объяснение... Хотя

какое-нибудь. Я сто раз спрашивала об этом Лизу, но она лишь пожимает плечами, качает головой и отмахивается, мол, теперь уж никто до правды не докопается. Однако я много раз замечала, что от моих вопросов глаза старой няни темнеют, а морщин на ее лбу становится гораздо больше.

Уроки я давно сделала, до ужина оставалось полтора часа, и с минуту я думала, чем бы заняться. У выходных есть огромный минус: дядя остается дома, и стены будто пропитываются холодом и раздражением. А это вызывает только одно желание – лечь в кровать, накрыться одеялом и зажмуриться.

Я бы с удовольствием завтракала, обедала и ужинала в своей комнате, думаю, это положительно сказалось бы на моем аппетите. Но дядя и тетя выступают за сохранение семейных ценностей. То есть мы обязательно должны собираться за большим столом, чтобы вместе есть и общаться.

Помню, в детстве мне разрешалось говорить: «дядя Юра» и «тетя Марина». Но три года назад, сразу после Рождества, Марина Аркадьевна и Юрий Викторович во время обеда сообщили, что я выросла и отныне и навсегда должна обращаться *«к самым близким и дорогим людям уважительно – по имени и отчеству»*. Вика тогда прыснула от смеха и спросила, нельзя ли и ее называть по имени-отчеству, так как она тоже дорогая и близкая...

Прихватив книгу, блокнот и цветные карандаши, я отправилась на чердак, где удобно устроилась на кушетке. После

ремонта здесь все еще пахло свежими досками, и мне нравилось представлять, будто я плыву на корабле. Волны бьются о борт, а в небе раздается крик чаек. И ничего страшного, что за окном настойчиво каркает ворона. Главное – верить в лучшее.

В мае на чердаке еще прохладно, но я не стала кутаться в плед, а просто подтянула ноги к груди и обхватила руками коленки. Если ночью посмотреть в узкое окно чердака, то можно увидеть Большую Медведицу. Я тысячу раз пробиравлась сюда после двенадцати и глядела на небо. И даже представляла, что однажды семь звезд действительно превратятся в добрую маму-медведицу, которая унесет меня отсюда совсем в другую страну – сказочную. Но это, конечно, было давно.

«Жаль, сейчас нет звезд...»

Взяв блокнот и карандаш, я принялась рисовать Лизу. Таланта у меня не слишком много, портреты обычно получаются слабенькие, но зато очертания, фигуры, детали – это точно мое. И няню я представила в отдалении. Вот она сидит за столом, ссутулившись, и протягивает руку к чашке... А чашка пусть будет голубая. Потом раскрашу.

Пожалуй, Лиза единственный человек в доме, рядом с которым мне хорошо и комфортно. Но несмотря на это, мы не так уж и много общаемся. Марина Аркадьевна всегда ревностно следит за тем, чтобы внимание Лизы было максимально направлено на Вику. И няня побаивается разговари-

вать со мной долго. Но иногда я пробираюсь к ней в комнату и... мы болтаем сколько угодно!

– Между прочим, мне исполнилось шестнадцать лет. Шестнадцать! В некоторых странах в этом возрасте замуж выходят, а у меня до сих пор есть нянька! – иногда восклицает Вика. – Если кто-нибудь узнает об этом, то...

Вообще-то, я могла бы шантажировать свою двоюродную сестру. Подобные тайны стоят дорого.

Да, за нами уже давным-давно не нужно присматривать, мы выросли. Однако Марина Аркадьевна очень беспокоится за свою дочь, чему я тихо радуюсь. Было бы ужасно, если бы Лизе пришлось покинуть наш дом. Одна мысль об этом всегда меня расстраивала.

– Наш дом, – произнесла я из вредности.

Юрий Викторович не любит, когда я так говорю. Год назад он пригласил меня в свой кабинет и сказал, что позже я непременно должна поступить в учебное заведение, предоставляющее общежитие. И это тот редкий случай, когда наши желания совпали. Мне не терпится начать самостоятельную жизнь, я верю, что она будет интересной и счастливой.

– Дженни, ты на чердаке?! – раздался снизу голос Вики.

– Да! – чуть помедлив, отозвалась я. И короткий вздох огорчения мгновенно вырвался из груди: уединению пришел конец. Торопливо закрыв блокнот, я развернулась к лестнице.

Ступеньки пару раз скрипнули, а затем появилась Вика.

Когда она вот так наряжается, пропасть между нами становится еще больше. И остается только ждать неожиданного порыва ветра, который сдует меня с поверхности земли и унесет в дальние дали.

Но ветры обычно не прилетают. Быть может потому, что я не хотела бы быть похожей на двоюродную сестру. Хотя она, конечно, значительно красивее меня. Просто внешность в моем случае это... защита. Никто лишний раз не повернет голову в сторону обыкновенной девчонки в джинсах и простой рубашке. Конопатой брюнетке всегда проще слиться с окружающей средой. А Вика – блондинка, и волосы у нее длинные и прямые. А еще она часто пользуется красной или бордовой помадой. Очень трудно не заметить мою двоюродную сестру.

Не знаю, почему Юрий Викторович считает, будто я могу дурно повлиять на его дочь. Я вообще косметикой не пользуюсь, хотя иногда хочется. Вот только купить ее не на что. И я не ношу коротких обтягивающих платьев, и не курю после уроков на углу школы. Недостатки с Викой у нас точно разные. Меня, например, вполне можно причислить к жадинам, я ни за что никому не отдам разные канцелярские штуки: блокноты, ластики, карандаши, точилки... Возможно, один из моих предков по тайной отцовской линии страдал подобным накопительством или попросту был скрягой.

– Сфотографируй меня. Только не здесь. – Вика провела ладонями по талии и бедрам, покрутилась и с довольной

улыбкой спросила: – Я же красотка?

– Да.

– Макс пригласил меня в кино. Я согласилась, но это ничего не значит. Он вообще не в моем вкусе. Не хочу встречаться ни с кем из нашего поселка, это глупо. – Развернувшись, Вика шагнула к лестнице и весело добавила: – Но нас отвезет водитель отца Макса, не буду же я отказываться от такой прогулки.

Мои бабушка и дедушка по материнской линии живут в Анапе, и я с ними встречалась два раза в жизни. *«Дженни, как же ты быстро растешь... Ты хорошо учишься? Дяде и тете не приходится за тебя краснеть? Очень бы хотелось, чтобы ты приехала на следующих каникулах».* Но в Анапу на каникулы обычно ездит Вика, а я остаюсь дома, чтобы с удовольствием заниматься рисованием на чердаке, читать и слушать музыку. На меня билет не покупают.

Раньше мы жили на одной из шумных улиц Москвы в трехкомнатной квартире, но дела Юрия Викторовича пошли в гору. И мы переехали в коттеджный поселок, расположенный неподалеку от города. У нас не самый большой дом, но зато красивый.

Дядя занимает начальственную должность в алкогольном холдинге и всегда уходит на работу в костюме, белой рубашке и галстуке. «Без меня бы все давно там развалилось, – часто говорит он и добавляет: – Дженни, ты должна радоваться, что живешь в обеспеченной семье и ни в чем не нуждаешься.

Не каждая на твоём месте устроилась бы так хорошо. И твоя покойная мать, моя сестра, вряд ли бы смогла организовать твою жизнь подобным образом». Иногда мне кажется, что если бы мама была жива, она бы подошла к Юрию Викторовичу и... плюнула в него.

– Только фотографируй нормально, не обрезай голову и ноги, – потребовала Вика, убрала волосы от лица, положила одну руку на высокую спинку красного бархатного кресла и призывно улыбнулась. – Давай, я готова.

Ужинать Вика отказалась, потому что у нее были накрашены губы, да и с минуты на минуту на отцовской машине должен был подъехать Макс. Картофельную запеканку с овощами и отварной телятиной мне пришлось есть с Мариной Аркадьевной и Юрием Викторовичем. А в такие минуты воздух кажется электрическим.

Со мной редко заговаривают в столовой, а если все же звучат вопросы, они обычно носят педагогический характер. С Викой проще, она отвлекает внимание на себя. То моя двоюродная сестра чем-то недовольна, то, наоборот, весела, и за столом звучат ее болтовня и участливые замечания Марины Аркадьевны и Юрия Викторовича. Время летит быстрее.

– Спасибо за ужин, – сказала я, подхватила тарелку и направилась в кухню. К счастью, меня никто не окликнул, и уже через пару минут я поднималась по лестнице в свою комнату. Отчего-то на самой верхней ступеньке я обернулась, посмотрела на каминные часы, вспомнила, что стрелки но-

чью замерли, и уловила в душе настойчивый холод, который довольно быстро превратился в небольшое теплое облако. Но это облако тут же растаяло. Трудно было понять ощущения... Будто зло и добро на мгновение встретились в груди, но... кто одержал победу? Непонятно.

Открыв дверь, я сразу увидела Лизу. Она сидела на стуле рядом с письменным столом и в полутьме ждала меня. А кого же еще, если комната моя? На няню падал свет настольной лампы, отчего морщины вокруг глаз казались более глубокими, чем есть на самом деле. Как же захотелось нарисовать Лизу, вот сейчас, в это мгновение! Но волнение на лице няни и полутьма быстро направили мысли в другую сторону.

– Что-то случилось? Почему ты не включила свет?

– Не включай, – быстро ответила Лиза, – а то я не решусь сказать тебе правду.

– Правду?.. – эхом повторила я.

– Да. Давно пора, но... – Она сжала губы, посмотрела сначала на дверь, будто опасалась, что нас могут подслушать, а затем спросила: – Где твои дядя и тетя?

– Ужинают.

– Это хорошо... Сядь. Думаю, нам предстоит долгий разговор, но, пожалуйста, задавай как можно меньше вопросов. У нас не так много времени. Я бы не хотела оказаться на улице из-за того, что совершила. – Лиза сцепила руки перед собой, но тут же разжала пальцы и принялась теревить край вязаной кофты. Она нервничала все больше и больше, и вол-

нение стало подбираться ко мне тоже.

Вика старше меня на семь месяцев, и Лиза появилась в нашем семействе еще до моего рождения. Бабушка и дедушка прислали ее из Анапы, что стало для всех решением проблем.

Я знаю мало о прошлом Лизы, она никогда не любила говорить на эту тему. Раньше, из детского любопытства, я спрашивала о ее жизни, но в ответ звучали похожие по сути фразы. «Да я уже и не помню, давно это было» или «Как у всех, так и у меня: то плохое, то хорошее».

Детей у Лизы нет, а родственники каким-то хитрым способом лишили ее жилья. Вернее, ей отдали малую часть дома: крохотную пристройку с верандой, но жить на этих квадратных метрах было уже невыносимо. А сейчас там наверняка и не осталось ничего, что когда-то принадлежало Лизе. Есть такие люди... Гады. И с этим ничего не поделаешь. Хотя, я верю, судьба все равно их накажет.

Устроившись на кровати, я притихла и приготовилась слушать. Вопросов было уже полным-полно. Но сердце неожиданно заколотилось с такой силой, что слова застряли где-то на полпути.

– Я обещала твоей маме сделать это... И я сделала, – начала Лиза. – Кому как не ей, было знать, что доброты у Марины Аркадьевны и Юрия Викторовича совсем мало и тебя ждет незавидная участь. Трепетным душам всегда достаются непростые испытания... Твоя мама хотела, чтобы у те-

бя был выбор. И она пожелала, чтобы ты его сделала тогда, когда станешь достаточно взрослой. В пятнадцать лет. Это тот возраст, когда решения принимаешь не быстро, а все же подумав. Хоть немного подумав. – Лиза тяжело вздохнула и наконец-то посмотрела на меня. Какой же маленькой она показалась в этот момент. Даже ее полные руки, погруженные в темноту, теперь представлялись худыми. – В октябре тебе исполнилось пятнадцать лет, а мне не хватило духу... Я все ходила и повторяла: «Потом, потом, надо выбрать день, да и к чему торопиться...» Но сколько можно тянуть? – Она вновь посмотрела на дверь, тяжело встала и подошла к окну. Сейчас отчетливо чувствовался семидесятилетний возраст Лизы, и я отвела взгляд, немного расстроившись. Не хочу, чтобы она старела. – А выбор тебе предстоит серьезный. И, быть может, придется выбирать из двух зол.

– Лиза, я не понимаю и волнуюсь. Так что ты сделала?

– Сегодня утром я выполнила обещание и отправила письмо твоему отцу. Скоро он узнает о твоём существовании... Скоро узнает.

Глава 2. Имя моего врага

Конечно, я часто задумывалась над тем, кто мой отец. Где живет, кем работает... Если мое отчество – Андреевна, то ясно, как его зовут. Хотя иногда в подобных случаях отчества дают просто так, из списка понравившихся. А вот фамилия у меня мамина – Щеглова.

Однажды я попыталась представить и нарисовать отца, но получилась лишь высокая и худая тень в окружении штриховки. Впрочем, это и были мои многолетние ощущения. Именно ощущения, потому что годы шли, а узнать хоть что-нибудь не получалось. Я даже из подслушанных разговоров не могла выудить нужную информацию, Юрий Викторович и Марина Аркадьевна никогда не видели моего отца и тоже находились в неведении.

Мама родила меня в девятнадцать лет. До этого прекрасного события она училась в Архитектурном институте и жила в общежитии. Дядя как-то сказал: *«Твоя мать приехала и сообщила, что ждет ребенка. Но слова были совершенно лишними, шестой месяц беременности видно за километр! Очень надеюсь, что ты не станешь брать с нее пример и сначала получишь образование, потом выйдешь замуж, а уж затем...»*

Мама вернулась в Анапу к бабушке и дедушке, там я и появилась на свет. Вот только я родилась слабенькой. Сей-

час-то по мне этого не скажешь, а тогда... Кажется, я плохо переваривала молоко и слишком медленно набирала вес. Или что-то в этом роде. Когда мне исполнилось три месяца, мама попросила у Юрия Викторовича разрешения пожить в его в квартире. Меня должны были обследовать в московской больнице, и жилплощадь на короткий срок очень требовалась. И дядя позволил.

Через месяц я пошла на поправку, но как-то слишком резко заболела мама. У нее начались проблемы с кровью... Лиза не любит произносить страшные диагнозы вслух, она ругается и говорит, что они могут прилипнуть к другому человеку. Наверное, не хочет меня пугать.

Мама умерла, когда мне исполнился год. Бабушка и дедушка не хотели возиться с маленьким ребенком, а Лиза уже ухаживала и за Викой, и за мной. Так я и осталась жить в семье дяди и тети. *«Это наш крест, и мы несем его достойно»*, – иногда говорит Марина Аркадьевна.

Зная, как хорошо рисовала мама, я тоже пытаюсь, но пока не очень выходит.

– Тебе известно, кто мой отец?! – выпалила я, сдерживая желания подскочить и обрушить на Лизу сто миллионов вопросов.

– Только имя и адрес, – сухо ответила она. – Повезло, что он живет там же, где и раньше, иначе пришлось бы потратить много времени на поиски. Адрес, который оставила твоя мама, оказался верным.

– Ты ездила по этому адресу?..

– Конечно, я должна была убедиться, что твой отец не сменил место жительства.

Я смотрела на Лизу удивленно и не могла отвести глаз. Сейчас она казалась священным сосудом, наполненным искрящимися и светящимися тайнами. Я ничуть не сердилась на нее за многолетнее молчание, наоборот, моя душа пела. Лиза поступила так, как попросила мама, а ничего дороже не могло быть.

«Мама, мама... Она думала обо мне. Умирая, думала о моей судьбе...»

– Он живет в Москве? – спросила я и сжала губы, стараясь победить приближающиеся слезы.

– Почти...

– Но почему ты написала ему письмо, можно же было встретиться и рассказать...

– Очень сложные вещи тебе кажутся простыми, Дженни. – Лиза вернулась к столу и тяжело, с очередным вздохом, села. – Во-первых, я выполнила ровно то, что пожелала твоя мама. Она сказала: «И помолись, чтобы письмо не попало в чужие руки». Я помолилась. Во-вторых, она опасалась, что у меня могут быть неприятности. В-третьих, я бы умерла от страха, если бы мне пришлось перешагнуть порог этого дома. – Увидев выражение моего лица, Лиза почти беззвучно засмеялась, а затем добавила: – Ты не так поняла, Дженни. Твой отец живет не в московской квартире и не в страшной

деревенской лачуге, почерневшей от копоти... Твой отец богат, очень богат. Его дом – это роскошная усадьба, утопающая в зелени деревьев. Кованые ворота высоченные и открываются сами, будто по волшебству. А к воротам тянутся ровные стриженные кусты с мелкими бордовыми листьями... Как же они называются?.. Забыла.

– Барбарис? – предположила я, стараясь получить минутную паузу. Сейчас я была жадной до каждого слова, но сердце колотилось так сильно, что я прижала ладонь к груди, стараясь его успокоить. А то еще выпрыгнет. Слова Лизы повисли в воздухе, а затем окружили меня. Я чувствовала их настойчивое бархатное присутствие. Но я вовсе не хотела думать о богатстве отца, совсем другое беспокоило меня больше всего на свете. – А если письмо потеряется или все же попадет в чужие руки... То что тогда? Что тогда? – протараторила я и все же подскочила и заметалась по комнате.

– Твоя мама сказала отправить три письма. По одному раз в месяц.

– Три письма... три письма... – прошептала я и обняла себя за плечи, пытаясь теперь справиться с дрожью.

– Да перестань ты маячить, от твоих шагов дом качается. Сейчас Марина Аркадьевна прибежит, и влетит мне.

Я мгновенно остановилась и замерла, боясь нарушить покой даже пылинки на углу шкафа.

– Но... если ответ все равно не придет?

– Значит, такова судьба. Мы же с тобой не знаем, как жи-

вет твой отец. Наверняка у него уже семья, дети. А может, и раньше все это было... Я особо не спрашивала, а твоя мама лишних слов и не произносила.

– А когда ты отправила письмо?

– В четверг.

– А сколько оно будет идти?

«Сегодня воскресенье. Выходные считаются или нет? Только бы конверт не затерялся в газетах».

– Дня четыре, наверное... Я не знаю. Наше дело – ждать.

– Как зовут моего отца?

– Андрей Дмитриевич.

– А фамилия?

Лиза покачала головой и ответила с той твердостью, с какой лет пять назад, когда мы с Викой были маленькие, отправляла нас спать:

– Не скажу. Я буду делать только то, что поручила твоя мама. Если окажется, что Андрею Дмитриевичу не нужна дочь, то и нечего его разыскивать. Недостойный он человек. А вот если он объявится, тогда сама с ним и познакомишься.

Я бы могла поспорить, но это было бессмысленно. Лиза ни за что бы не передумала.

– Но когда я стану взрослой и мне исполнится восемнадцать лет, ты скажешь?

– Скажу, – согласилась она и хитро улыбнулась. – В том доме явно найдется доля твоего наследства, а закон надо уважать.

Подойдя к окну, я вцепилась в подоконник и прислонилась лбом к прохладному стеклу. По телу сначала робко, а потом быстрее понеслась волна необыкновенного счастья. Неужели очень скоро я узнаю правду о своем рождении и познакомлюсь с отцом?..

– А какой он? – тихо спросила я.

– Откуда ж я знаю... Я только у соседского садовника спросила: живет здесь еще Андрей Дмитриевич или нет. А тот сказал: «Да, уж много лет». Поговорили недолго и разошлись. Приятный мужчина с аккуратной бородкой и еще не пенсионер. Все о своих лилиях переживал.

– А что ты написала... Андрею Дмитриевичу... отцу? Какими словами объяснила?

– Я изложила все кратко и по делу, мол, пятнадцать лет назад Маша Щеглова, с которой вы встречались, родила девочку. Это ваша дочь – Дженнифер. Вы ее можете найти по адресу... – Лиза медленно поднялась и поправила юбку. Ее руки вздрагивали, выдавая внутреннее беспокойство. – И еще... Пишу по просьбе Маши. Она давно умерла. Да, вот так случилось... – Лиза посмотрела на меня и добавила: – Наверное, письмо вышло сумбурное, ну уж как смогла. Подписываться я не стала, ни к чему мне себя обнаруживать. А в конце добавила номер телефона Юрия Викторовича, пусть сами теперь разбираются.

– Спасибо тебе, – развернувшись, с чувством произнесла я.

– Молюсь каждый день, чтоб твой отец оказался хорошим человеком. Иначе благодарить меня будет не за что. Пусть бы он забрал тебя из этого дома и окружил вниманием и заботой. Не так много тебе этого досталось в жизни.

– А вдруг Марина Аркадьевна и Юрий Викторович не отдадут меня?

– Об этом я даже не беспокоюсь. Интуиция подсказывает, что твой отец и разрешения-то ни у кого спрашивать не будет. Тут главное твое желание. Вот и думай теперь, что для тебя лучше, что хуже. Именно этого хотела твоя мама. Чтобы ты приняла решение.

Лиза направилась к двери, но у меня был еще один важный вопрос. И теперь я, наконец-то, могла получить на него ответ.

– Подожди... А мама не говорила, отчего дала мне такое имя?

Остановившись, Лиза несколько секунд не шевелилась, точно раздумывала: открывать тайну или нет. Затем развернулась и произнесла:

– Я спрашивала об этом у Маши. Она сказала, что так зовут твоего самого главного врага: Дженнифер. *«Таким образом я хотела защитить свою дочь. Мне кажется, тот человек теперь не посмеет причинить Дженни боль. Это все равно что бить себя по лицу»*. Я хорошо запомнила эти слова. На мой взгляд, очень странно называть ребенка именем врага, но твоей маме было известно гораздо больше, чем мне. И

если тебе это поможет, то... то и хорошо.

Лиза ушла, а я выключила свет настольной лампы, легла на кровать, подтянула одеяло, свернулась калачиком и закрыла глаза. Но вовсе не для того, чтобы уснуть. Мне требовалась передышка. Каждая услышанная фраза гремела в душе, я все еще дрожала, и никак не получалось успокоиться.

Мне всегда казалось, что я ничего не значу. Пушинка, летящая без адреса, неизвестно куда. Или точка на белом листе. Просто точка...

А оказывается, у меня есть отец. Андрей Дмитриевич. Он скоро узнает о моем существовании.

И оказывается, у меня есть враг. И враг у меня был даже тогда, когда я еще не родилась на этот свет.

Откинув одеяло, я села и посмотрела в темноту. Острое желание спуститься в гостиную подтолкнуло меня вперед. Я торопливо вышла из комнаты и устремилась к лестнице. Первая ступенька, вторая, третья... последняя. Каминные часы.

– Стрелки... Они опять идут, – тихо произнесла я и задержала дыхание.

Да, все, что должно было произойти, уже случилось. И теперь только остается ждать.

Глава 3. Мой смелый день

В понедельник утром я собиралась в школу с нетерпением. Теперь было жаль, что учеба скоро закончится и начнутся летние каникулы. Уроки отлично спасают от навязчивых мыслей и душевных метаний, а того и другого у меня было предостаточно. Я мечтала отвлечься и переключиться на что-то новое. Голова гудела, а душа то взмывала к солнцу, то падала в пропасть, гремя и охая. Хорошо, если первое письмо станет решающим, а если нет?.. Тогда придется ждать еще месяц.

Часть детей нашего поселка в школу отвозят родители, а часть едет на специальном автобусе. Юрий Викторович всегда спешит, а Вика не может выйти из дома, пока не совершит продолжительный ритуал макияжа. И пару лет назад, после нескольких скандалов, дядя сообщил, что мы теперь будем добираться до школы на автобусе.

– Напугал, – усмехнулась Вика, когда мы остались одни. – Да теперь можно вообще уроки не делать, я в автобусе спишу их у Ленки или Кирилла.

Я тоже совершенно не расстроилась, наоборот, мне нравилось садиться на одно из первых сидений и рисовать в блокноте. Вика же обычно занимала со своими друзьями дальние места, и до меня доносились их шутки и смех.

У меня нет близких подруг, но я всегда хорошо общалась

с близнецами Соней и Олей. Внешне их не отличить друг от друга, но по характеру они совсем разные. Одна слишком серьезная и правильная, а вторая – фантазерка и растеряша. Слушая их, я часто удивляюсь, как природа могла создать двух столь похожих девчонок и одновременно разных.

С Викой мы учимся в одном классе. И для меня это – большой минус. Даже два минуса. Еще в начальной школе учителя всегда нас сравнивали, что приводило к ссорам и скандалам.

«Джени, позанимайся со своей сестрой математикой...»

«Вика, тебе не стыдно так учиться? Бери пример с Джени...»

«Щегловы. За контрольную три и пять. Думаю, вы сами догадаетесь, у кого какая оценка...»

Я никогда не была отличницей, но уроки делала и старалась слушать учителей. В детстве мне всегда было страшно услышать тяжелый вздох Юрия Викторовича, наполненный разочарованием и неприязнью. Я хорошо запомнила, как он долго тряс моей тетрадкой с тройкой за самостоятельную работу по русскому языку. В какой-то момент даже показалось, что эта противная и обидная оценка сейчас прыгнет со страницы и нападет на меня.

Иногда у Вики появляются репетиторы, на какое-то время она берет себя в руки и начинает учиться. Для меня это всегда самые спокойные дни, я могу безнаказанно получать

пятерки и четверки. Вика не врывается ко мне в комнату и не кричит, что из-за меня над ней все смеются.

Вторым минусом является то, что двоюродная сестра не любит, когда кто-нибудь начинает проявлять ко мне интерес. Стоит Варе, Лене, Инне (да любому однокласснику) пару раз сходить со мной в столовую или библиотеку, как появляется Вика и... И все меркнет перед ней. Она старательно уводит у меня будущую подругу, которую позже сделает всего лишь одной из своих фрейлин. Год назад в нашем классе прижилась шутка: «Хочешь стать подругой Вики – поболтай пару раз с Дженни». А с моей двоюродной сестрой хотят дружить все, потому что она яркая и вообще самая красивая в параллели. Вот только близнецы Соня и Оля устояли, видимо, им хватает друг друга и совсем уж близкая подруга им не нужна.

Сначала я зашла в класс так, будто я представитель царской династии, обладающий всеми тайнами мира. Но, споткнувшись около доски, я превратилась в обычную Дженни, улыбнулась и бодро зашагала дальше. Мысли о письме не давали покоя, но я боялась слишком надеяться, чтобы не спугнуть удачу.

И наверное, именно бардак в голове не позволил сразу увидеть Вовку Потапова, развалившегося за моей партой.

Вообще, благодаря стараниям Вики, я всегда сижу одна.

– Привет, – весело сказал он.

– Привет.

– Не против, если я тут устроюсь? – Вовка щелкнул кноп-

кой ручки и добавил: – Надолго.

– Мне не жалко, – пожала я плечом и принялась выкладывать на стол учебник, тетрадь, пенал... – Но если ты заметил, это последняя парта. Видимость здесь не очень.

– Зато тебя хорошо видно, – ответил Вовка, улыбнулся и качнулся на стуле.

У мальчиков я никогда не вызывала особого интереса, я для этого слишком щуплая и обыкновенная. Поэтому я сразу подумала о том, что Потапов через меня решил подобраться к Вике. Но вот непонятно, зачем действовать столь сложно? Вовка наверняка нравится моей сестре, и она бы с радостью согласилась на свидание.

Только сейчас я заметила, что за нами наблюдает полклас-са, а у Лешки Илюшина, сидящего впереди меня, уши увеличилось в два раза. И волосы на макушке приподнялись. Видимо, любопытство каким-то невероятным образом умеет вырабатывать электричество...

– Только не мешай мне заниматься, – спокойно произнесла я и села. – Я не стану болтать во время урока.

– Зануда, – с легкой иронией проворчал Вовка.

Сдержав улыбку, я открыла пенал и выбрала любимую ручку.

Потапов учится в нашем классе не так давно – с января. К новичкам всегда особый интерес, а у Вовки еще и привлекательная внешность. Вернее, необычная. Он не из тех, кто наплевательски относится к своей одежде, но и не из тех, кто

постоянно крутится перед зеркалом. Вовка часто носит белые рубашки навыпуск и всегда поднимает воротник вверх. Выглядит по-пижонски. И сразу чувствуется, что он доволен собой и независим от чужого мнения. Я знаю, многие девчонки мечтают сходить с ним в кино.

Бросив осторожный взгляд на Вику, я увидела именно то, чего опасалась. Лицо двоюродной сестры пылало гневом.

– Что ты делаешь сегодня вечером? – шепнул Вовка, когда начался урок.

«Сегодня я буду ждать хоть каких-нибудь новостей... На девяносто девять процентов Андрей Дмитриевич... мой отец... уже получил письмо».

– Не мешай, – буркнула я и сделала вид, будто сосредоточенно слушаю учителя.

На всех уроках Вовка садился за мою парту, но вопроса о вечере больше не задавал. Два раза попросил ластик и один раз карандаш. Я была великодушна и не отказала ему ни разу и внимательно следила за тем, чтобы он вернул все обратно.

– Я провожу тебя до автобуса, – сказал Вовка после географии.

– Как хочешь, – пожала плечами я.

В автобусе Вика вела себя тихо, и я понимала, какой разговор произойдет дома. Но у меня была секретная защита от любых нападок – письмо. Я вновь думала только о нем и больше всего хотела поскорее оказаться на чердаке, где никто не помешает мечтать и вспоминать до мельчайших по-

дробностей вчерашний разговор с Лизой.

– Сегодня все говорили только о тебе, я думаю, ты знаешь почему... – резко произнесла Вика, как только мы подошли к нашему участку.

– Пусть говорят, – нейтрально ответила я, пытаюсь увильнуть в сторону.

– Интересно, чем ты пленила Потапова? Алгебру можно списывать и у Кирилла.

Едкой иронии было слишком много, и во мне проснулась вредность. Обычно она спит крепко, даже похрапывает, но это, видимо, был особый случай. А может, вчерашняя окрыленность добавила сил.

– Вова сказал, что ему нравится мой богатый внутренний мир, – соврала я просто и хладнокровно.

– Что-о-о? Да он слов таких не знает!

– Напрасно ты его недооцениваешь.

– Между прочим, он встречался с Кристиной Макарской и с рыжей Веркой из параллельного. С первой – три недели, а со второй – месяц. Рекорд! Наверное, у них тоже был богатый внутренний мир. – Вика засмеялась звонко и искренне. – Ты не можешь нравиться Вовке. Ты вообще никому не можешь нравиться. Ясно? Немедленно рассказывай, что он тебе говорил? Обо мне спрашивал? Сколько раз? Надеюсь, ты не ляпнула какую-нибудь глупость...

Настроение Вики заметно улучшилось, но мне совсем не хотелось разговаривать.

– Не спрашивал, – коротко ответила я и дернула ручку двери на себя.

– Врешь. Всем известно, что с тобой начинают дружить лишь для того, чтобы подобраться ко мне.

И в этот момент сердце будто пронзила длинная тончайшая игла. Я обернулась и заметила около ворот машину Юрия Викторовича. Но время еще рабочее... Значит, по какой-то причине дядя вернулся домой раньше.

– Проходи, – сказала я, пропуская Вику вперед, неотрывно глядя на машину.

– Ты не ответила.

– А разве ты задала вопрос?

– Иногда мне кажется, что ты просто идиотка.

Но я уже не слушала Вику, у меня стали неметь пальцы и по спине побежали мурашки. Что-то происходило. Сейчас. В эту минуту. И я это чувствовала каждой клеточкой тела.

В прихожей я сразу увидела Лизу и поняла: она ждет меня. При Вике няня не могла говорить о нашем секрете. Встретившись со мной взглядом, она лишь кивнула и взмахом руки указала на правую сторону второго этажа. Там в одной из комнат Юрий Викторович и Марина Аркадьевна часто обсуждали свои проблемы. *«Юра, нам нужно поговорить. И лучше это сделать подальше от детских ушей. Я жду тебя наверху»*, – обычно важно произносила тетя и направлялась к лестнице.

У этой комнаты и библиотеки имелся общий балкон, и

пару раз, когда дело касалось моей персоны, я занималась бессовестным подслушиванием.

– Вика, на обед борщ, есть овощной салат, оливье, рыбные котлеты и картофельное пюре... – переключила внимание на себя Лиза. – Что ты будешь?

– Оливье... Это кошмар... Я никогда не похудею! – раздалось у меня за спиной.

Я не знала, сколько уже длится разговор, но рассчитывала, что мне удастся раздобыть хоть какую-то информацию. Письмо прибыло по указанному адресу. Иначе Юрий Викторович не вернулся бы спешно домой, а Лиза не вела бы себя так. Я верила и не верила в происходящее. Я надеялась и страшилась услышать беседу дяди и тети. Признает ли меня отец? Захочет ли он меня увидеть? А если письмо попало не в его руки?

Взлетев на второй этаж по лестнице, я зашла в комнату и скользнула мимо дивана и кресел, открыла дверь, вышла на балкон и осторожно, почти не дыша, приблизилась к декоративной перегородке. Дальше пройти было нельзя, но я и так находилась слишком близко.

«Только бы окно у них было открыто...» – пронеслась отчаянная мысль, и я прислушалась.

– ...этого не могло произойти... но он позвонил...

– Перестань это повторять... надо что-то делать...

– Если бы на его месте был другой человек... мы... как...
вот как...

– ...Дженни... еще не известно... я не верю, это абсурд...

– ...когда я увижу письмо, я пойму, кто его написал... может, его напечатали... ничего не выйдет...

– ...а его тон? Каким тоном он...

– ...хочет посмотреть на нее... нет... это не доказательство...

Мне здорово повезло – окно явно было открыто. Поначалу волнение мешало уловить смысл долетающих фраз, и от нервного напряжения и досады на глазах выступили слезы. Но потом я сжала кулаки и постаралась собраться. Нельзя же падать в обморок и раскисать, когда решается твое будущее.

– ...она... совершенно не за чем...

– ...анализы... тест... в наше время такая процедура является элементарной...

– Но я не хочу! Юра...

– ...я отказал... настаивает... когда я узнал... имя... обеспечен...

– Это ошибка! Я не верю!

– ...к сожалению... у него все права... суд... ее спросят... мнение решающее...

Кажется, я перестала дышать.

Сердце остановилось. Наверное.

Ладони вспотели, и я прижала их к джинсам, не зная, что еще сделать. Выходит, письмо получил именно мой отец, и он хочет меня увидеть, хочет разобраться. Если я правильно поняла... Ему не все равно, и это точно! Он же мог просто

выбросить конверт и никому ни о чем не рассказывать.

Я опять начала дышать.

И сердце заколотилось с удвоенной силой.

Но из услышанного получалось, что Юрий Викторович и Марина Аркадьевна не слишком рады такому повороту событий. И это меня удивило. Я всегда была уверена, что они только и ждут того момента, когда я наконец покину их дом.

— ...нельзя говорить, что за тест... анализ на бактерии... и все...

— ...да, пусть думает так...

— Может, это не он...

— ...вероятно... нельзя исключать...

— ...она получит все... Какая же несправедливость!
Юра... Юра...

— ...нами хорошо воспользовались... возможно... потребовать денег...

— Одна мысль, что она получит все, меня убивает! Она никто, и мать ее никто!

— Не кричи... моя сестра... хорошо устроились...

— ...девчонка... бездарная, наглая, никчемная... наследницей... ее место в интернате... только благодаря нам... и что теперь... как сыр в масле будет кататься...

Слова острыми осколками льда вонзились в грудь, я вздрогнула и медленно боком стала двигаться к балконной двери. Пора уходить... Дядя и тетя не сожалели, что я могу их покинуть. И они не радовались, что я уйду. Нет. Им при-

чиняла боль обжигающая мысль, что мой отец богат и меня ждет хорошая жизнь.

«Она хотела, чтобы у тебя был выбор. И она хотела, чтобы ты его сделала тогда, когда станешь достаточно взрослой. В пятнадцать лет. Это тот возраст, когда решения принимаешь не быстро, а все же подумав. Хоть немного подумав».

– Мама, я уже подумала и все решила, – прошептала я, пересекая комнату. – Пусть только он меня позовет...

* * *

Я надеялась, что Вика пообедает быстро и у меня получится поговорить с Лизой. Но прежде чем спуститься вниз, я зашла в свою комнату, плотно закрыла дверь, посмотрела на потолок и счастливо выдохнула:

– У меня есть отец. Есть отец! И он хороший. И я ему нужна.

Я смотрела несколько раз передачи, где устанавливали отцовство, и совсем не беспокоилась по этому поводу. А в результате я была уверена. Раз мама сказала Лизе, значит, так и есть. И нечего сомневаться.

Если бы меня спросили, что я чувствую, пожалуй, я бы лишь образно смогла описать внутреннее состояние. Я – новогодний мешок с подарками, я – чашка, наполненная до краев взбитыми сливками, я – конфетница с тянучка-

ми-ирисками. Потому что внутри у меня было огромное счастье, которое переливалось всеми цветами радуги и давало надежду. Еще вчера утром я была никому не нужной, а сегодня мой отец хочет со мной познакомиться...

Спустившись в столовую, я не обнаружила Вику, а вот Лиза убирала в буфет блюда.

– Андрей Дмитриевич получил письмо, – тихо произнесла я, подходя ближе.

– Я так и поняла. Больно Юрий Викторович был взволнован. Он размахивал руками и кричал: «Марина, ты где?! Иди немедленно сюда!»

– Дядя хочет взглянуть на письмо, и по почерку он вполне может догадаться, кто его писал.

– Нет, не поймет, – усмехнулась Лиза. – Пусть я и старая, но не дура... Я использовала почерк моей покойной сестры, очень она любила завитки и финтифлюшки. Никто на меня не подумает.

– Это хорошо. – Я кивнула. – Жаль, много не удалось узнать. Вроде они там еще совещаются... Хотят тест на отцовство сделать. Получается, Андрей Дмитриевич от меня не собирается отказываться.

– Представляю недовольство Юрия Викторовича и Марины Аркадьевны.

– Откуда ты знаешь?

– А тут и знать нечего. Был бы твой отец старьевщик с улицы бедняков, они бы с радостью тебя отдали, а тут... Как

им твое богатство пережить?

Я не успела сказать Лизе, что финансовое состояние моего отца – это последнее, о чем я думаю. За спиной раздался резкий трескучий голос Марины Аркадьевны:

– Лиза, вместо того, чтобы заниматься болтовней, ты бы лучше выяснила, какие книги необходимо прочитать Вике летом. Я о внеклассном чтении, если ты еще помнишь, что это такое.

Лиза поставила последнее блюдо на полку, добавила чашку, развернулась и молча покинула столовую.

Марина Аркадьевна смотрела на меня. И ее взгляд прожигал насквозь. Я даже представила вокруг себя стену из толстого пуленепробиваемого стекла. Чтоб уж наверняка спастись. В одном случае из миллиона помогает.

– А ты... – начала она и остановилась.

Наверное, Марина Аркадьевна сейчас бы многое хотела мне сказать, но не могла. Сжав губы, сверкнув глазами и выдержав паузу, она царственно ушла.

Подождав минуту, я пулей устремила в свою комнату, взяла карандаши, блокнот и торопливо отправилась на чердак. Но, устроившись на стуле около окна, я не сразу принялась рисовать, а сначала помечтала немного, и уж затем...

– Дженни, ты здесь?!

«Нет... Только не сейчас...»

Но Вика уже поднималась по ступенькам, и это не обещало ничего хорошего. Для меня всегда оставалось загадкой,

как я при абсолютной ненужности постоянно оказываюсь ей нужна.

– Мне надо поговорить с тобой. – Вика соорудила из маленьких подушек гору, села на кушетку и положила ногу на ногу. Ее щеки розовели, что было странно. Моя двоюродная сестра не умеет смущаться. – И зачем только отец раньше приехал... Переполошил весь дом. Мама ругается как ненормальная. Не знаю, что у них там произошло. Но это не важно. – Вика махнула рукой. – Я пришла, чтобы открыть тебе тайну. Мы же сестры. – Она улыбнулась. – Я приняла решение. Ну же, спроси какое.

– Какое? – послушно произнесла я, надеясь сократить разговор до минимума. Любую тайну можно рассказать за пару минут. Если, конечно, не злоупотреблять вводными словами и прилагательными.

– В самое ближайшее время я расстанусь с дурацкой невинностью. – И Вика замерла, желая насладиться моей реакцией. Но я была далеко... – Ты слышишь меня?!

– Да.

– Вот что ты за человек?! Я пришла к тебе поговорить о сокровенном, а ты... – Вика убрала от лица волосы и улыбнулась. – Я буду первой девчонкой в нашем классе, которая это сделает. Поверь, моя осведомленность не знает границ, мне все про всех известно. Ну, а теперь ты можешь озвучить свое занудное мнение, я тебя внимательно слушаю.

Пожалуй, у меня не было на эту тему особого мнения. Я

только очень сомневалась, что это следует делать по плану. Нельзя же сегодня решить, а завтра... У меня еще не было первой влюбленности, я никогда не целовалась. И на свидание тоже не ходила. Но при этом я почему-то подозревала, что ни с кем советоваться не стану, и в определенный момент чувства наверняка заглушат разум... То есть я верю в любовь. И пусть она у меня случится. И пусть тот, без кого я не смогу жить, будет самым лучшим. А остальное... Оно само как-то произойдет.

– Надо предохраняться, – многомудро произнесла я, не выдержала и засмеялась.

– Идиотка, – фыркнула Вика и продолжила: – Я даже выбрала своего первого мужчину. Это будет Вовка Потапов. – Она замолчала, стараясь уловить мою реакцию. – Он опытный, а значит, все пройдет отлично. И... он красавчик.

Вика ждала приступа ревности, но мне и самой вдруг стало любопытно: нравится мне Вовка или нет? Когда он спросил: «Что ты делаешь сегодня вечером?», пожалуй, мне было приятно. В тот момент я не призналась себе в этом, но сейчас... Вот только это произошло не потому, что Вовка взволновал душу. Просто очень хотелось верить, что я могу кому-то понравиться. Хоть чуть-чуть.

– Лучше сначала полюбить, а уж потом... – начала я, но Вика меня перебила.

– Как раз это я и имела в виду, когда предлагала тебе затянуть песню занудства! Ты серьезно считаешь, что влюбишь-

ся в кого-нибудь в ближайшие сто лет? И главное, что кто-то полюбит тебя? Не обольщайся.

Я коротко вздохнула и неожиданно почувствовала приятное тепло в груди. Будто это чудо должно было произойти со мной в самое ближайшее время.

Глава 4. Я ваша дочь?

– Дженни, ты сегодня в школу не поедешь. К десяти часам приедет медсестра и возьмет у тебя анализ. Мазок из полости рта. Как-то так... – Марина Аркадьевна нервно дернула плечом. – Ты была у стоматолога две недели назад, и вот... Врач мне позвонила и сказала, что нужно сдать анализ. Ей не понравились твои десны.

Марина Аркадьевна путалась, и у нее не получилось произнести новость уверенно и четко. Но какая разница? Я готова была пройти сто тестов ДНК (или как там он называется?). И чем скорее, тем лучше.

– Ничего себе, – выдохнула Вика. – Я тоже остаюсь дома. У меня тоже с деснами проблемы.

Но, встретив ледяной взгляд матери, она подхватила рюкзак и обиженно направилась к двери.

Процедура оказалась простой. Приятная женщина в голубом медицинском костюме провела палочкой по внутренней части щеки – и все. Как только она ушла, я сразу бросилась к ноутбуку, чтобы узнать, когда ожидать результата теста. И оказалось, волноваться придется недолго. Несколько дней, в зависимости от загруженности лаборатории.

Марина Аркадьевна, злясь на весь белый свет (или только на меня и моих родителей), устроила в доме генеральную уборку. Собственно, она только командовала, а Варя, девуш-

ка, которая приходит два раза в неделю помогать по хозяйству, и Лиза выполняли ее поручения. Я попыталась прикнуть к происходящему, но Марина Аркадьевна резко прикрикнула: «Иди занимайся! Разберись, какие темы ты сегодня пропустила!» И мне пришлось отправиться в свою комнату. Я понимала, что сейчас являюсь самым главным раздражителем.

На следующий день я пошла в школу с таким удовольствием, будто нам на уроках раздавали клубничное мороженое и показывали фильмы. Хотелось, чтобы день пролетел быстрее. А потом будет четверг, и, возможно, все решится.

К моему удивлению, Вовка Потапов вновь сидел за моей партой.

– Привет, – широко улыбнулся он. – Чего вчера не пришла?

– Приболела, – соврала я.

– А Вика сказала, что ты анализ мочи сдавала. – Вовка чуть приподнял голову, внимательно наблюдая за ответной реакцией.

Конечно, что еще могла придумать моя двоюродная сестра?

– И это тоже, – спокойно произнесла я. – Никак в баночку попасть не могла. Целилась, целилась и все мимо.

Вовка от души захохотал, а потом придвинул стул ближе. Его локоть коснулся моего локтя, и я отчетливо почувствовала, что Вика смотрит в нашу сторону. Приподняв голову,

я встретила ее обжигающий взгляд.

– Ты мне нравишься... – Вовка немного помолчал. – Давай встречаться.

Все же происходящее казалось странным. Даже если бы Потапову было все равно, с кем проводить время, он мог бы выбрать сто девчонок интереснее меня. Может, и правда его пленил мой богатый внутренний мир? Скептически посмотрев на Вовку, желая докопаться до истины, я задала наиважнейший вопрос:

– А почему ты предлагаешь это именно мне?

– Ну-у... ты красивая. – И он улыбнулся уверенно и искренне.

Я бы назвала себя приятной. И не слишком заметной.

Слова Вовки вызвали предательский румянец у меня на щеках. Я совсем не ожидала это услышать и решила, что, когда приду домой, внимательно изучу себя в зеркале.

– Нет, я не смогу с тобой встречаться, – тихо ответила я, потому что Маргарита Петровна уже начинала урок.

– Почему?

«Во-первых, я скоро буду жить со своим отцом, – оптимистично подумала я. – Во-вторых, Вика собирается подарить тебе свою невинность. А это дело серьезное».

С трудом сдержав улыбку, я посмотрела на доску и пожала плечами.

– Надо подумать.

– Думай быстрее, – чуть разозлился Вовка. – А то я твою

сестру в кино приглашу.

Пожалуй, с Нового года моя внешность действительно претерпела изменения. Отражение в зеркале сообщало, что я несколько выросла и ноги перестали напоминать палки. Если бы не свободная рубашка, то было бы хорошо видно грудь. Еще маленькую, но... Перспективы в этом направлении, надо признать, появились. Я и не заметила, что стала чаще ходить с распущенными волосами. Мне всегда нравилось, что они слегка выются. И, может, из-за этого они не лезут в лицо и не мешаются.

Конопушки на переносице вроде стали забавными.

И моя гордость – голубые глаза. Потому что у мамы были точно такие же. Я вообще похожа на маму и, думаю, папа этому обрадуется.

В четверг в доме стояла неестественная тишина, но Марина Аркадьевна и Юрий Викторович несколько раз устремлялись на второй этаж, чтобы поговорить. Поднимаясь по ступенькам, тетя молча размахивала правой рукой, будто мысленно с кем-то спорила. Ее рыжеватые волосы находились в беспорядке, а бордовая помада означала боевой настрой. Я еле сдерживала желание подслушать, интуиция подсказывала, что сейчас лучше этого не делать.

– Он твой отец, – шепнула Лиза, когда мы с ней пересеклись около столовой. – Уже доказано. И он требует немедленной встречи с тобой.

И она пошла дальше, стараясь лишний раз не раздражать

Марину Аркадьевну нашими разговорами. Прикоснувшись к дверной ручке, Лиза все же обернулась и коротко улыбнулась в знак поддержки. Мне показалось, будто ее круглое лицо, украшенное морщинами, светится.

За ужином в пятницу произошло именно то, о чем я мечтала больше всего на свете. Доев блин с мясом, промокнув рот салфеткой, втянув воздух в полную грудь, Марина Аркадьевна небрежно произнесла:

– Дженни, объявился твой отец. И он хочет с тобой увидеться. Честно говоря, я не понимаю этой спешки... Мог бы войти в положение растерянного ребенка. – И она повернула голову, желая убедиться в том, что у меня как минимум глубокий шок. – Ты готова с ним встретиться?

Я по-разному представляла этот момент, но точно не так. И на моем лице, безусловно, отразились искренние удивление, смущение и смятение...

– Ты не должна ни о чем беспокоиться, Дженни, – важно произнес Юрий Викторович и прищурился, будто пытался пробраться ко мне в голову и прочесть мысли. Его узкое лицо вытянулось еще больше, а нос дернулся. – Мы прекрасно понимаем, кто для тебя является родней, а кто... – Дядя замялся, старательно подбирая корректное слово. Но, видимо, не получилось. – Ты должна знать, в обиду мы тебя не дадим.

– Какой еще отец?.. У тебя есть отец? – Вика смотрела на меня так, точно я на ее глазах медленно, но верно превращалась в инопланетное существо. – Мама, у нее нет отца!

Я чувствовала на себе три нетерпеливых взгляда и понимала, что должна произнести хотя бы пару фраз. Но душа трепетала, и притворяться было сложно. «Не надо радоваться... Для меня это якобы новость... Я же только сейчас обо всем узнала... Спокойно... Я не на экзамене... Все хорошо...» Мышцы немного расслабились, и даже получилось дышать ровнее.

– А кто мой отец? – спросила я, осторожно опуская вилку на тарелку. Долгие годы я желала узнать ответ на этот вопрос, так почему бы не начать именно с него?

Марина Аркадьевна и Юрий Викторович переглянулись.

– Да! Кто он?! – почти крикнула Вика и тут же добавила: – Почему вы мне ничего не рассказывали? Вы его искали? Долго?

– Пожалуйста, помолчи, – остановил дочь Юрий Викторович. – Дженни, твоего отца зовут Андрей Дмитриевич Уваров.

Пользуясь всеобщим замешательством, я решила сразу уточнить:

– А чем он занимается? То есть кем работает?

– Он... бизнесмен, – с небольшой паузой ответила Марина Аркадьевна. – И ресторатор.

– Ого! У твоего отца есть ресторан?! А как он называется? И где находится? – Вика схватила со стола мобильник и замерла, желая немедленно узнать адрес.

– Помолчи, – холодно повторил Юрий Викторович, на-

хмурился и перевел взгляд на меня. – Ты не ответила, Дженни. Что мне передать твоему отцу? Я вполне могу ему отказать, если ты не готова к встрече. Твое душевное состояние превышает всего. Не буду скрывать, я считаю, что все должно оставаться на своих местах, а позже Андрей Дмитриевич сможет видаться с тобой. Кардинальные перемены совершенно ни к чему. По сути, сейчас речь идет о чужом для тебя человеке. И... – Юрий Викторович побарабанил пальцами по столу. – Конечно, нельзя отказываться от отца. Он, безусловно, сможет принимать участие в твоей судьбе. Поддерживать тебя... м-м... советами. И финансово. То есть пока ты не достигла восемнадцати лет, мы являемся твоими опекунами. И мы будем продолжать...

Я испугалась, что Юрий Викторович сейчас заговорит о деньгах и потребует от меня каких-нибудь страшных обещаний. А я не хотела их давать, меня в этот момент интересовало совсем другое.

– Я готова встретиться. Когда я смогу увидеть отца? – выпалила я, забыв об осторожности и сдержанности.

«Никогда!» – было написано на лице Марины Аркадьевны.

– Ты торопишься, Дженни... – с нажимом на слово «торопишься» произнес Юрий Викторович. Поднявшись, он отодвинул стул, заложил руки за спину, прошелся вдоль стола – туда и обратно, вернулся и вновь сел. Он явно пытался успокоиться и подобрать подходящие слова. А это было тя-

жело сделать, потому что в столовой царил нервная атмосфера. Марина Аркадьевна обмахивалась салфеткой, Вика то хватала мобильник, желая получить побольше информации о моем отце, то клала его на стол, боясь пропустить что-то важное. Я пила воду и изображала уверенность. И это почти удавалось. Наконец Юрий Викторович продолжил: – Я не собираюсь говорить плохо об Андрее Дмитриевиче Уварове, мы его совсем не знаем... Однако, Дженни, тебе важно понять, кто является твоей семьей...

Дядя обращался ко мне долго, но не все слова долетали до сознания. Мне кажется, многие из них просто сгорали по пути, слишком уж много было в них яда и плохо скрытого раздражения.

«...никто не мешает многоуважаемому Андрею Дмитриевичу оплачивать твою учебу... мы вложили столько средств в твоё воспитание и образование... твоё мать, моя покойная сестра, не одобрила бы столь скоропалительных поступков... не забывай, он бросил тебя... да, мы не знаем подробностей, но...»

Если бы не подслушанный разговор и некоторые фразы Юрия Викторовича, я бы начала думать, что меня здесь любят. И я нужна. Но правда была несколько иной, и, наверное, я до конца её даже не понимала. Не так уж и много удалось подслушать.

Дядя все поднимал и поднимал финансовые вопросы, а я уже сидела ровно, выпрямив спину, и ждала подходящего

момента, чтобы повторить бьющиеся в сердце слова.

— Так каким же будет твой ответ? — закончив речь, приподняв тонкие, почти бесцветные брови, спросил Юрий Викторович.

— Я хочу познакомиться с отцом, — тихо, но твердо ответила я. И добавила: — И я точно готова с ним встретиться.

В пятнадцатилетнем возрасте появляются огромные преимущества. Меня нельзя запереть в четырех стенах надолго, и с моим мнением приходится считаться. Пожалуй, в этот момент я почувствовала себя взрослой.

Через полчаса Юрий Викторович сообщил, что встреча состоится в воскресенье и в десять утра я должна быть готова.

Вечер пятницы и субботу я провела в взволнованном состоянии. Дошло до того, что в два часа ночи я поднялась на чердак и поговорила с Большой Медведицей. Лиза опасалась подходить ко мне близко, и нам удалось перекинуться лишь парой фраз. Но я видела, как она рада за меня, и это была весомая поддержка.

Конечно, сразу после ужина я бросилась к ноутбуку. Мне хотелось узнать об отце как можно больше, душа трепетала и ожидала чуда. Мы похожи? Хоть чуть-чуть... Вот сейчас... сейчас я его увижу...

Фотографий оказалось не так уж и много, отец, видимо, не любил фотографироваться и давать интервью.

— Какой же ты, — прошептала я и улыбнулась.

Андрей Дмитриевич Уваров... Я смотрела на высокого стройного мужчину и почти не дышала. Темные волосы с редкой сединой на висках, красивое лицо, прямой нос, тонкие губы и уверенный взгляд.

«Добрый взгляд. Это точно!»

Именно так должен выглядеть самый лучший человек на свете, и какое счастье, что это мой отец. Я не сомневалась в его чуткости, порядочности, внимательности. В его глазах отражались самые лучшие душевные качества, и я взлетела чуть ли не до небес от счастья и гордости.

Только на одной фотографии Андрей Дмитриевич был с женщиной. Она стояла боком, и хорошенько разглядеть ее не получилось. Стройная, в длинном черном платье с тонким золотым поясом, на высоких каблуках – она походила на актрису или модель.

«Хотя для модели, наверное, старовата... Лет тридцать пять...»

И отец держал эту женщину за руку.

Две статьи и два интервью. Не густо, но я была благодарна и за это. И как же хорошо Андрей Дмитриевич отвечал на вопросы, я читала и постоянно улыбалась.

Да, он не любит светскую жизнь.

Работа отнимает слишком много времени...

Путешествовать нужно обязательно, интересно же посмотреть мир...

Любимое блюдо – жареная картошка.

Открывать еще ресторан пока не планирует, это не основная часть бизнеса, а отдых для души...

«А что бы вы хотели пожелать нашим читателям?»

– Никогда не останавливаться на достигнутом».

Откинувшись на спинку кресла, я закрыла глаза и представила себя в самолете. Надо же путешествовать и изучать мир...

Вика врывалась в мою комнату несколько раз. Она тоже читала все, что можно было найти об Андрее Дмитриевиче, и бурно реагировала почти на каждую строчку. Сначала в ее голосе звучали растерянность и расстройство: Вика никак не могла смириться с успешностью моего отца. Но потом она нашла аргументы для успокоения, и огорчение медленно, но верно стало проклевываться уже в моей душе.

– Неизвестно, есть ли у него дети. Быть может, Андрей Дмитриевич подарит тебе коробку конфет и исчезнет еще лет на пятнадцать, – усаживаясь в кресло, насмешливо произнесла Вика. – И я знаю, когда ты понадобишься отцу настоящему. Когда к нему придет старость. Должен же кто-то менять простынки и мыть горшок.

Слова Вики дергали ниточки нервов и поселяли в душе непокой, но я старалась не обращать на это внимания. Я тушила вспыхивающие костры сомнений многочисленными мечтами и отвечала односложно, чем бесконечно раздражала Вику.

Да, я понимала, что у Андрея Дмитриевича Уварова могут

быть еще дети. И он знает их с детства и любит. А я... чужая.

«Но я нужна. Непременно нужна. Иначе зачем же со мной встречаться?»

«А нужна ли?...» – нашептывал страх.

В воскресенье утром за мной на белоснежной машине приехал водитель отца.

– Вот видишь, – усмехнулась Вика, когда я надевала кроссовки, – твой папочка поленился приехать сам. Что и требовалось доказать. Увезут, привезут и забудут. Это жизнь, моя дорогая сестренка.

Но я видела, какие взгляды она кидала в сторону машины и как нервно покусывала нижнюю губу...

«Нельзя сомневаться, все будет хорошо».

Я довольно долго выбирала, в чем отправиться на встречу к отцу. Хотелось выглядеть очень красивой и уверенной. Я даже подумывала попросить у Вики бордовое платье, отделанное тонкой полоской кружев по подолу. Но сдержалась. По многим причинам. Во-первых, я не чувствовала бы себя комфортно в подобном наряде, во-вторых, у меня нет подходящих туфель, в-третьих... Пусть я буду такой, какая есть. Вряд ли платье что-то изменит. И выбор пал на любимые голубые джинсы, белую футболку и серую вязаную кофту с широкими рукавами. Волосы я стянула резинкой в простой хвост, мне всегда казалось, что с такой прической я особенно похожа на маму.

– Веди себя прилично и скромно, – сухо произнесла Ма-

рина Аркадьевна около двери. — Андрей Дмитриевич должен увидеть, каким хорошим человеком мы тебя воспитали.

— Ага, — кивнула я и выпорхнула из дома. Да я бы сейчас пообещала что угодно, лишь бы побыстрее оказаться на сиденье белой машины, которая увезет меня к отцу. Мысленно я уже подбирала первые слова, и все они казались дурацкими. Но, несмотря на это, я улыбалась и бодро шла по дорожке к воротам.

Водитель — приятный мужчина лет тридцати пяти в костюме и белой рубашке, сообщил, что мы поедем в ресторан, где меня ожидает Андрей Дмитриевич.

— Дорога займет около сорока минут, включить для вас музыку? Какую вы предпочитаете? — Он обращался ко мне на «вы», и это было непривычно.

— Классическую, — выдохнула я, решая продемонстрировать отличное воспитание.

Ресторан я узнала сразу. И весомую вывеску «Конте-Конти», и витринные окна, и темно-серые стены я видела на фотографиях. Это роскошное заведение принадлежало моему отцу, и я даже помнила некоторые названия блюд из меню. Печеный сладкий перец с лососем и соусом песто, ягненок с булгуром и грибами, паста с копченой уткой, вялеными томатами и моцареллой... Из чего можно было сделать вывод, что память на блюда у меня хорошая. Наверное, во мне начали просыпаться гены Андрея Дмитриевича.

«Интересно, я смогу назвать его папой? И нужно ли это

делать сейчас?»

Менеджер встретил меня около входа. Я, запинаясь, представилась, и мы направились во второй зал. Приглашенная музыка с воздухом влетела в легкие и завибрировала под ребрами. Я шла, оглядываясь по сторонам, впитывая обстановку, и быстро отмечала детали, чтобы потом, вернувшись, отыскать их на фотографиях. Просто так.

Круглые и квадратные столики из темного дерева, огромные коричневые часы на стене, мозаика из кусочков черно-белых фотографий. Люстры, лампы... Большой аквариум, где в подсвеченной воде лежат странные ракушки. Барная стойка и много искрящихся бокалов. Ряды бутылок на двух полках.

– Проходите, пожалуйста, – произнес менеджер и указал на тяжелую бархатную штору светло-бежевого цвета. Отодвинув ее, он вежливо улыбнулся.

Чуть помедлив, я перешагнула порог комнаты и сразу встретила взглядом с Андреем Дмитриевичем Уваровым. Моим отцом. Увидев меня, он резко поднялся и тихо произнес:

– Вот мы и встретились.

* * *

Бывают моменты, когда ты чувствуешь себя главным героем книги или фильма. Приблизительно такая уверенность

и вспыхнула в душе. И еще показалось, будто на меня направлены огромные прожекторы, которые мешают смотреть и одновременно наполняют тело искрящимся светом. Или это мешали слезы. Несколько раз моргнув, глубоко вдохнув и выдохнув, я прогнала их прочь.

– Здравствуйте, – торжественно произнесла я и тут же почувствовала себя глупо.

Андрей Дмитриевич улыбнулся, указал на уютное кресло и ответил:

– Тебе вовсе не обязательно быть со мной на «вы». Разве мы чужие друг другу люди?

Холодные сомнения, ерзающие в душе последние два дня, задрожали, зарябили и стали полупрозрачными. Ноги оторвались от земли, и я понеслась в иную вселенную, где каждая мечта обязательно сбывается... Потому что иначе просто не может быть.

Кивнув, я села в кресло и осторожно посмотрела на отца. Фотографии не ввали, он был красив и походил на аристократа. На графа. И темно-серый костюм ему очень шел. И белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей тоже. Если такая одежда всегда сковывала моего дядю, будто на него надели футляр, то с Андреем Дмитриевичем... то есть с папой... все было иначе. Пиджак казался самой свободной вещью на свете.

Я сразу поняла, что внешне мы не похожи, но расстроиться по этому поводу не успела.

– Как же ты похожа на свою маму, – мягко произнес Андрей Дмитриевич и прищурился. Его глаза потемнели, а между бровями появилась глубокая складка. – Удивительно...

– Да, – согласилась я. – Мне это говорили.

– Сядь ближе. И расскажи о себе. Как ты жила все это время?

Я встала, подвинула кресло и опять села. Андрей Дмитриевич сразу взял меня за руку и сжал пальцы, точно желал убедиться, что я настоящая. Пожалуй, он и смотрел на меня как на привидение, появившееся неизвестно откуда. Наверное, он видел вовсе не меня... А мою маму. Интересно, сильно ли они любили друг друга и почему расстались?

Мне было важно понять, какие чувства теперь переполняют душу. И я не сразу, а чуть помедлив, насладившись появившейся уверенностью, принялась рассказывать о жизни в доме дяди и тети. Конечно, многие подробности были лишними и не стоило их озвучивать. Но и врать не хотелось. Поэтому биография получилась довольно краткой и сухой. Я следила за реакцией Андрея Дмитриевича, и мне сразу понравилось, что он слушает внимательно и на его лице точно не отражается равнодушие.

– ...иногда я немного рисую в блокноте... но ничего особенного. С профессией еще не определилась, – закончила я, взяла стакан и сделала маленький глоток воды.

– Сейчас я буду тебя кормить, – Андрей Дмитриевич при-

двинул мне папку меню. – Или закажу на свое усмотрение? Что ты любишь?

Волнение почти полностью победило аппетит, но я поняла, что бесконечно хочу чего-нибудь сладкого.

– А десерт можно? Любой.

– Значит, ты сладкоежка?

– Немного. – Я улыбнулась.

– Это хорошо.

– Почему?

– Я не встречал злых сладкоежек. – Андрей Дмитриевич тоже улыбнулся. – Они все добрые. – Он помолчал немного, а затем спросил: – А как ты меня называешь? Мысленно. Про себя?

– По имени-отчеству.

– А это плохо. – Он опять улыбнулся. – Но я буду терпеливо ждать того момента, когда ты увидишь во мне отца. Поверь, это будет самая лучшая минута в моей жизни. Не забудь сообщить об этом. – И Андрей Дмитриевич подмигнул мне так, будто только что мы организовали тайное общество, в которое больше никогда никого не примут.

– У вас есть еще... дети? – услышала я свой дрогнувший голос и нервно сжала губы.

Правда состояла в том, что я уже полюбила его, и уже хотела сказать: «Папа». Это было слишком головокружительное и болезненное открытие. Разве могло наше сближение произойти столь быстро? И отчего ревность покалывает

сердце, откуда она только взялась? Неужели я буду ревновать отца к своим братьям и сестрам?..

– Нет, – ответил Андрей Дмитриевич. – Ты мой единственный ребенок. Но я женат и воспитываю двух мальчиков, которых считаю своими сыновьями. Хотя не такие уж они и мальчишки... Вымахали, а я и не заметил. Время летит быстро. Позже я обязательно познакомлю тебя со своей семьей. Хорошо? Я женился после того, как расстался твоей мамой. Через несколько лет.

«Ты мой единственный ребенок, ты мой единственный ребенок...» – застучало в висках, и я даже не сразу поняла, что еще сказал Андрей Дмитриевич. На меня обрушилось бесконечное счастье. Никогда я не чувствовала себя такой бессовестной эгоисткой и собственницей, но отец был мой и только мой! Я еле сдерживала улыбку и светилась, как тысяча фонарей. Просто я слишком долго была одна и сейчас очень боялась потерять надежду... Пусть он еще раз возьмет меня за руку, пусть еще раз заглянет в глаза. Мой отец.

– Да, – выдохнула я, как только смогла говорить, – я буду рада со всеми познакомиться.

– Дженни, у тебя наверняка есть вопросы, и я готов на них ответить. Между нами не должно быть недосказанности, да и каким-либо обидам нет места в наших отношениях. Спрашивай, я отвечу честно. – Андрей Дмитриевич откинулся на спинку кресла, положил руки на подлокотники, закрыл глаза и добавил: – Я не знал о твоём существовании. Маша не

сказала, что ждет ребенка. И я не знал... что она умерла. Я бы сделал все... Я бы спас ее. Ты веришь мне?

Голос Андрея Дмитриевича был наполнен искренностью и болью. Увидев вздувшуюся вену на его виске и побледневшие губы, я быстро отвернулась. Ощущение, будто я проникла в тайны души и прикоснулась к сокровенному, переполнило меня неловкостью и смущением. Наверное, когда я буду вспоминать встречу с отцом, именно эта минута обязательно вспыхнет первая...

– Да, конечно, – торопливо ответила я, желая хоть как-нибудь успокоить Андрея Дмитриевича. Папу. Да, папу. Так же лучше звучит.

– А кто написал мне письмо? Ты?

– Нет.

– Тогда кто?

– Очень хороший человек. Но я не могу назвать его имени. Я не могу рисковать, понимаете?

Андрей Дмитриевич открыл глаза, сел ровнее и по-доброму похлопал меня по руке.

– Жаль, что ты не доверяешь мне, но, надеюсь, со временем это пройдет. Однако я рад, что ты думаешь о безопасности своих друзей. Твои дядя и тетя... – Он осекся, и я догадалась почему. Нельзя же ребенку говорить плохо о его родственниках. – А впрочем... Пусть так.

– Расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с моей мамой? То есть как ты... познакомился... с моей мамой... –

Переход с «вы» на «ты» оказался сложнее, чем я предполагала, и не обошлось без спотыкания на словах. – И почему вы расстались?

– Сначала десерт, – улыбнулся Андрей Дмитриевич. – А то за разговорами мы совсем забыли об обещанном сладком. И чай. Или кофе? Я пока не знаю, что ты любишь.

– Чай, – ответила я.

– Надеюсь, в следующий раз мне удастся тебя хорошенько покормить. Ты обязательно должна попробовать лучшие блюда ресторана. И мне будет интересно послушать твое мнение и о закусках, и о супах, и о горячих блюдах. Это часть семейного бизнеса, Дженни, и однажды ты станешь здесь хозяйкой. Почему бы и нет? – весело произнес Андрей Дмитриевич.

– Ну-у... – протянула я, немного растерявшись.

– Не смущайся, скоро ты ко многим вещам будешь относиться иначе. Во всяком случае, я на это очень надеюсь.

Мне принесли воздушный десерт нежно-розового цвета, украшенный белыми пиками взбитых сливок, клубникой и забавными кудряшками из белого шоколада. Пожалуй, ничего вкуснее я никогда не ела, о чем сразу и сообщила. В ответ раздался счастливый смех моего отца. Потом я ела мороженое, облитое карамелью и обсыпанное жареными орехами. Вообще я всегда считала, что сладкого много не бывает.

– Я хочу, чтобы ты переехала ко мне, – сказал Андрей Дмитриевич, как только официант унес тарелки и чашки. –

Юрий Викторович и Марина Аркадьевна официально являются твоими опекунами. Понадобится время, чтобы восстановить меня в правах отца. Возможно, будет судебное разбирательство, которое продлится долго... Но интуиция подсказывает, что я смогу уладить все вопросы довольно быстро. Главное – это твое решение. Я буду ждать столько, сколько потребуется, но мы и так потеряли годы. Дженни, пожалуйста, подумай и соглашайся. Ты – моя единственная дочь, и я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

– Дядя и тетя меня точно не отпустят, – прошептала я, представляя реакцию Юрия Викторовича и Марины Аркадьевны.

– Пусть это тебя не беспокоит. Но... я не понял. Ты согласна переехать ко мне в самое ближайшее время?

– Вы обещали рассказать про маму, – робко напомнила я, хотя знала ответ на поставленный вопрос. И еще в свои пятнадцать лет я знала, каким образом можно добиться согласия дяди и тети. Существовал лишь один способ: предложить им деньги. Конечно, пообщавшись с Юрием Викторовичем, мой отец понимал, какие у меня родственники... И от этого было неловко и хотелось срочно сменить тему. Будто я в чем-то виновата.

Осуждала ли я Андрея Дмитриевича за то, что он собирался купить право быть со мной? Нет. Тысячу раз нет! Где-то в глубине души страх ерзал и кашлял: *«А не боишься оказаться в чужой семье? Ты же понятия не имеешь, что там*

тебя ждет». Я тряхнула головой, отгоняя мысли и, заглянув в глаза отцу, спросила: – Где вы познакомились и когда?

Я не сомневалась, что поверю каждому слову, но не потому, что на земле вдруг отменили ложь. А просто у Андрея Дмитриевича вновь вздулась на виске вена и по лицу пронеслась тень. Будто возвращение в прошлое было тяжелым, а память никогда и не теряла минут и часов, связанных с моей мамой.

Поднявшись, отодвинув кресло, Андрей Дмитриевич подошел к окну и встал ко мне спиной. Комната была небольшой, нас разделяла лишь пара метров, но показалось, будто между нами значительное расстояние. Или даже прозрачная, но толстая стена. Голос точно летел издалека, его обволакивало эхо долгих лет.

– У твоей мамы сломался каблук, и она стояла на тротуаре, держа в руке туфлю, и так искренне ругала ее, что я притормозил и вышел из машины. – Андрей Дмитриевич явно улыбался, вспоминая этот момент. – Я спросил: «Вам нужна помощь?» А она ответила: «Если вы сапожник или у вас есть хотя бы гвозди и молоток, то вы – мой герой». Какой же красивой она была и как улыбалась... Я любил ее иронию и легкость. Маша... Маша... Ей еще не исполнилось восемнадцати, а мне уже было двадцать восемь. И, кажется, разница в возрасте нас только сближала, потому что... – Андрей Дмитриевич немного помолчал. – Потому что ей, как и тебе, требовался защитник. Давай назовем это так. А мне очень не

хватало сказки... Маша училась, я работал, но мы виделись почти каждый день, и это было счастье. Вот только иногда она становилась грустной, а я не мог понять: почему? Знаешь, у тебя такие же конопушки на носу, как и у нее. Самые лучшие конопушки на свете... А потом твоя мама исчезла. Написала эсэмэску: «Прости, все закончилось, не ищи меня...» Она съехала из общежития и сменила номер мобильного телефона. – Андрей Дмитриевич развернулся и качнулся, будто на него налетел неведомый и неожиданный порыв ветра. – Администратор в общежитии оказался человеком сговорчивым, и мне удалось узнать домашний номер телефона Маши в Анапе. Но она не стала со мной разговаривать. Лишь сказала: «Не звони больше, не бери прошлое. Все закончилось». Трудно стучаться в закрытую дверь, особенно когда чувствуешь себя ненужным. Тогда я сделал попытку вычеркнуть твою маму из своей жизни. Сейчас бы я так не поступил... Не знаю, почему Маша уехала и почему скрыла от меня, что ждет ребенка... Дженни, поверь, я не совершил ничего плохого, и на некоторые вопросы я бы и сам хотел узнать ответы. – Преодолев расстояние между нами, Андрей Дмитриевич наклонился, уперся правой рукой о край стола и внимательно посмотрел на меня: – Дженни, согласна ли ты переехать ко мне как можно скорее? Или ты хочешь подумать?... Поверь, я приму любой ответ и буду ждать, сколько потребуется.

В душе не было сомнений, страхи затихли и не смели по-

дать голос. Потом я обязательно выясню и разберусь, отчего расстались мои родители, всякое же в жизни бывает...

Папа не знал, что я есть на этом свете, и я точно не должна винить его за нашу разлуку. Да и сейчас дом Юрия Викторовича и Марины Аркадьевны казался бесконечно холодным и чужим. Большую Медведицу хорошо видно с любого чердака, а это главное.

– Я согласна, – твердо ответила я.

Глава 5. Когда решается судьба

Андрей Дмитриевич объяснил, почему не приехал за мной лично. Ему хотелось, чтобы наша встреча произошла без свидетелей.

– Дженни, нам с тобой не пришлось контролировать чувства, а это важно.

И я была согласна с каждым словом. А вернуться с водителем я решила сама. И на это тоже имелась вполне объяснимая причина: требовалось некоторое время, чтобы спрятать от чужих глаз счастье, немного сгладить его. Я не желала им делиться ни с дядей, ни с тетей, ни с Викой. Они остались бы недовольны моим внутренним сиянием.

Машину я попросила остановить около соседского участка. Хотелось прошмыгнуть в дом незамеченной, и я быстро направилась к нашим воротам.

Осторожно закрыв дверь, сняв кроссовки, я взяла тапочки, бесшумно вспорхнула на второй этаж, зашла в свою комнату, подняла голову и улыбнулась.

«У меня есть отец. Самый лучший. И он заберет меня к себе».

Я знала, что Андрей Дмитриевич уже сегодня позвонит моему дяде, и собиралась по возможности подслушать хоть что-нибудь. Папа, а мысленно я все чаще называла его именно так, обещал сообщать новости. Мы обменялись номера-

ми телефонов, и теперь это стало простым делом. Не совсем, конечно, простым, но... Я не хотела надоедать.

– Дженни, – раздался за спиной тихий голос, и я обернулась.

– Лиза... Лиза... Лиза... – затараторила я, подбежала к няне и обняла ее.

– Да тише ты, Марина Аркадьевна полдня ходит и ругается. Не слишком-то она умеет переносить чужую радость. Я к тебе на минутку заглянула. Что там?

– Он хороший, Лиза. Он зовет меня к себе. И я тоже хочу жить с ним... Не знаю, как объяснить...

– Не торопись очаровываться, Дженни. В жизни не все так просто, как кажется на первый взгляд. Но я рада за тебя и буду молиться о том, чтобы ты не ошиблась.

На обратном пути я вспоминала рассказ папы о его отношениях с мамой. И я чувствовала, что где-то настойчивой мухой жужжит недосказанность. Или показалось? Или есть вещи, которые попросту не следует знать пятнадцатилетнему подростку? Андрей Дмитриевич точно любил мою маму. И очень любил! В этом я ни капельки не сомневалась.

– Как же я не хочу расставаться с тобой, Лиза. А может...

– Нет-нет, даже не думай. Мое место здесь. – Она отстранила меня и коротко вздохнула. – Ты разумный ребенок, а вот Вика... Я не смогу ее оставить, без меня она пропадет. Хоть как-нибудь присмотрю. Ну все, я пойду, пока Марина Аркадьевна не появилась.

Перекрестив меня, Лиза направилась к двери. Походка ее была тяжелой, и мое сердце сжалось. Мне предстояла разлука с близким человеком, получится ли у нас видаться время от времени? Только если втайне от дяди и тети. Иначе у няни точно будут неприятности.

Я понимала, что долго в комнате отсиживаться нельзя. Волнение немного улеглось. Внутренне собравшись, я спустилась на первый этаж и пошла в столовую, где пили чай дядя, тетя и Вика.

– Ты уже вернулась? – Тонкие бесцветные брови Юрия Викторовича приподнялись.

– Надеюсь, ты не голодна. Тебя покормили? – Слова заботы прозвучали неестественно, и, кажется, Марина Аркадьевна сама это поняла.

– Ну, какой твой отец? Говори! Быстро говори. – Вика подскочила с места, гроыхнув стулом, и уставилась на меня, сгорая от нетерпения. – Почему он не зашел? Я бы с ним познакомилась. Он тебя и не провожал, что ли?

Неожиданно в душе появилось абсолютное спокойствие. Будто улетели все ветры, перестали колыхаться травинки, и даже бабочки замерли в воздухе, давая мне передышку после нескольких дней непрекращающегося беспокойства. Подойдя к столу, я села и кратко отчиталась:

– Я встретила с папой. Мы познакомились. Он очень хороший человек, и я надеюсь, теперь мы будем видаться часто.

Сейчас не стоило говорить о наших с Андреем Дмитриевичем планах, он сам обещал решить организационные вопросы.

Опустившись на стул, Вика привычно принялась кусать губы, а потом посмотрела на родителей, пытаясь отыскать хоть какое-то объяснение происходящему. И ее можно было понять. Я – Дженни Щеглова, вдруг оказалась кому-то нужна, и мое будущее перестало рябить серым цветом. В нем появился теплый солнечный луч надежды...

У Марины Аркадьевны не получалось скрыть раздражение, и, задавая вопросы, она то мяла салфетку, то нервно размешивала сахар в чашке, то отодвигала, то придвигала блюдо. Большая грудь поднималась, опускалось, дыхание тети временами выходило шумным, и до меня долетал приторный аромат ее любимых духов.

Марина Аркадьевна потребовала полного отчета, и я без особых эмоций отвечала быстро и кратко. Наверное, со стороны я казалась роботом или чурбаном каким-то... Но столь важные чувства не должны были покинуть границ моей души.

Юрий Викторович в основном молчал. Глядя на меня неотрывно, он явно о чем-то думал. Эти неведомые мысли меня пугали, и я все время ждала нового восклицания Вики, чтобы переключиться на нее.

– Андрей Дмитриевич дал тебе номер своего телефона? – сухо спросила Марина Аркадьевна.

– Да.

– А он тебе что-нибудь подарил? – подавшись вперед, нетерпеливо спросила Вика.

– Нет.

– Может, он жадный?

– Он добрый и внимательный.

Дядя и тетя переглянулись, что означало: «Он смог расположить ее к себе... Непонятно... к лучшему это или к худшему?»

– А в гости отец тебя пригласил? – спросила Вика, и на ее губах заиграла победная улыбка. Она желала услышать отрицательный ответ.

«Он пригласил меня в свою жизнь», – хотела сказать я, но покачала головой, скрывая правду.

Андрей Дмитриевич позвонил Юрию Викторовичу около семи вечера. После разговора дядя и тетя сразу направились на второй этаж, в комнату для тайных бесед. А я устремила на балкон подслушивать. Первый раз я боялась не того, что меня обнаружат, а того, что услышу новости, которые меня убьют. От дяди и тети я могла ожидать чего угодно. Да и толком я не понимала, хотят они меня отдать или нет?

«...почему он так торопит... зачем...»

«Соскучился!» – в голосе Марины Аркадьевны звучала едкая ирония.

«...предлагает... наше слово... на что соглашаемся?..»

«...это мало... и нельзя же сразу...»

«Он хочет ответ сегодня...»

«Опасаясь, вдруг передумает?...»

«...непонятно... если блефует...»

«...боюсь прогадаем... как же будет обидно!»

«...спросил, что мы хотим... посоветоваться... от таких денег не отказываются...»

«Она его единственная дочь, вот и не жадничает!»

«...соглашаться...»

«...получить больше...» – Марина Аркадьевна не то про-рычала, не то издала стон. Мне показалось, она нервно ходит из угла в угол. Дом, конечно, не сотрясаясь, но у тети вес приличный, а шаг тяжелый. Я улавливала постоянную вибрацию не то пола, не то стен.

«...надо быть прагматичными... не рисковать... он это называет: покрыть расходы за пятнадцать лет...»

«...пусть называет как хочет... увеличить сумму...»

«...мы его не знаем... чувства поостынут и...»

«...нужно... хотя бы... у него нет выхода...»

Я пыталась заставить себя сдвинуться с места, но не получалось. Уши увеличились раза в три, и я жадно ловила каждое долетающее слово. Андрей Дмитриевич мечтал забрать меня как можно скорее, и он видел только один путь для решения этой проблемы. Что ж, он был прав... Иначе дядя с тетей меня бы не отдали.

«Тебя продают и покупают», – шепнул внутренний голос.

«Пусть, если это поможет начать новую жизнь», – хладно-

кровно ответила я.

Предложенная сумма была такой, что Юрий Викторович не слишком сомневался, однако Марина Аркадьевна явно боялась прогадать. Мое счастье и свобода стоили дорого.

«...отказ от опекуна — это условие...»

«...не соглашайся...»

«Он все равно через суд... просто уйдет время...»

«Он получит ее — и все!»

«...ее настоящий отец... и это факт...»

Не следовало рисковать еще больше, и я медленно боком двинулась в сторону балконной двери. Ничего не оставалось, как только ждать, что я и собиралась делать, сидя на чердаке. Блокнот, карандаш... Острое желание немедленно нарисовать хоть что-нибудь подтолкнуло вперед, и я пошла быстрее.

Где-то под ребрами дрожала надежда, и я дышала медленно, желая насладиться этим приятным трепыханием.

В какой момент я перестала чувствовать одиночество?

Когда узнала об отце?

Когда с ним встретилась?

Или сейчас, когда стало ясно, что Андрея Дмитриевича не волнуют преграды, он готов на все, лишь бы я поскорее оказалась рядом?

«Он уже не забудет обо мне и никогда не сделает вид, будто меня не существует».

Прихватив блокнот и карандаши, я отправилась на чер-

дак. Как же хотелось узнать, на каком дне настаивает папа... Я должна к нему переехать через неделю? Через две? Скоро начнутся летние каникулы, и школа уж точно держать меня не станет, но еще есть мои дядя и тетя. И семья Андрея Дмитриевича...

Как только я собиралась хорошенько подумать о жене папы и мальчиках, которых он воспитывает, так мысли сразу путались и перескакивали на другие темы. И это было неправильно. А вдруг я не понравлюсь? Или как-то подведу Андрея Дмитриевича?

«Наверное, мне надо было больше задавать вопросов».

Открыв блокнот, я пообещала себе исправить эту ошибку при следующей встрече. Надо узнать имена всех членов семьи и запомнить их. А еще лучше – разведать, какой у кого характер.

Я попыталась по памяти нарисовать зал ресторана, где встречалась с папой. Вернее, ту часть, где стояли круглые столы и аквариум с камушками-ракушками. В голове проносились слова, фразы, и я иногда замирала, стараясь припомнить их максимально точно.

«Ты обязательно попробуешь лучшие блюда ресторана».

«Между нами не должно быть недосказанности, да и каким-либо обидам нет места в наших отношениях».

«Ты – моя единственная дочь, и я сделаю все, чтобы ты была счастлива».

– Дженни, ты опять на чердаке?! Иди сюда, я хочу пого-

ворить с тобой, – раздался нетерпеливый голос тети, и от неожиданности я вздрогнула.

Ноги не слушались, и по ступенькам я спускалась медленно. «Не трусь, – подбадривала я себя. – Ничего страшного приключиться не может».

Марина Аркадьевна стояла около дивана и щурилась. Ее взгляд прошелся по мне с головы до ног, а затем проделал обратный путь. Наверное, в глубине души тетя недоумевала, как из-за такого никчемного создания могло возникнуть столько шума. У Андрея Дмитриевича Уварова должна быть какая-то иная дочь...

– Твой отец позвонил нам. Он хочет, чтобы ты переехала жить к нему, – отрывисто начала Марина Аркадьевна, и на ее щеках появился нервный румянец. – У тебя возражения имеются?

– Нет, – мотнула я головой и сильнее сжала перила.

– Отлично. Дети должны жить со своими родителями – это правильно. Мы ни в коем случае не собираемся мешать вашим развивающимся отношениям. – Марина Аркадьевна прикоснулась к жемчужным бусам, убрала выбившуюся из прически прядь и добавила с той легкостью, с какой обычно сообщают о хорошей погоде: – Иди собери вещи. Завтра утром ты переезжаешь к отцу. – На лице тети появилась скользкая неестественная улыбка. Посчитав разговор законченным, Марина Аркадьевна развернулась и важно поплыла к столовой.

«Они договорились... – пронеслось в голове, и я закрыла глаза, не веря в происходящее. – Они договорились... И это случится завтра. Не через неделю, не через две. Завтра!»

Стоило зайти в свою комнату, как сразу же пикинул телефон.

«Бери самое необходимое и то, что тебе дорого. Все остальное мы купим вместе», – пришло сообщение от отца, и глаза защипало от слез счастья.

* * *

Вика следила за моими движениями растеряно и молча. Если еще утром она была уверена, что Андрей Дмитриевич Уваров забудет обо мне в самое ближайшее время, то теперь... Она не верила в происходящее.

После ванной Вика не успела расчесаться, ее светлые чуть влажные волосы лежали на плечах. Она то засовывала руки в карманы розового махрового халата, то вынимала их и постоянно морщила нос.

– Ты оставляешь меня одну? – наконец-то произнесла Вика с долей удивления и сделала шаг вперед. – Но это нечестно! Ты не можешь уехать... навсегда... Я немедленно поговорю с папой! – Однако она не двинулась с места, понимая, что все решено и обратной дороги нет.

– Учебных дней осталось мало, а на экзамены я приеду, и мы увидимся.

– Ты еще и в школу не будешь ходить?..

– Ездить далеко.

– А что передать Вовке Потапову? – Усмешка тронула губы Вики, а глаза хитро блеснули.

– Ничего, – пожала я плечом.

– Ах, придется мне его утешить... – Она посмотрела на потолок и театрально приложила тыльную сторону ладони ко лбу. Затем выпрямилась и продолжила наблюдать за моими заторможенными движениями. – Вовка все равно испытывает к тебе лишь жалость. Ясно? – Вика сжала кулаки и произнесла резко, с долей отчаяния: – Лучше бы твой отец оказался бедным. Ты не должна одеваться лучше меня!

Руки не слушались, и никак не получалось решить, что брать с собой, а что оставить. Да и переезд, несмотря на радость, был делом волнительным и даже страшноватым. Вопросы повывлезали из всех щелей, и я старательно прогоняла их, не желая преумножать беспокойство. И уж точно меньше всего меня интересовало, как я начну одеваться и сколько будут стоять мои джинсы или кроссовки.

Кровать мне вдруг показалась очень родной. И желтая люстра тоже. А в детстве я любила разглядывать витиеватый рисунок на бежевых обоях... Здесь прошла приличная часть моей жизни, и вот я уезжаю.

– Я беру свои вещи, они удобные, – ответила я, отправляя в чемодан стопку футболок.

– Останься! Зачем тебе этот отец? Разве тебе здесь плохо?

И мне будет скучно! Понимаешь ты это или нет?

– Тебе так только кажется.

Вика произнесла те слова, которые довольно быстро расставили в моей душе все по своим местам. Да, здесь мне всегда было плохо. Одиноко. И теперь, после подслушанного разговора, я даже не знала, как общаться с дядей и тетей. Они теперь были далеко, будто неведомая сила отодвинула их от меня на безграничные километры... Я закрыла на несколько секунд глаза и увидела в темноте Андрея Дмитриевича.

– Что ты улыбаешься? – тихо произнесла Вика. – Ты никуда не поедешь, никуда не поедешь... – протараторила она и крикнула: – Мама! Папа! Нам надо серьезно поговорить!

Громко хлопнула дверь, и я осталась одна.

Вика не могла ничего исправить, дорога моей судьбы сворачивала в сторону, обещая иную жизнь. Жизнь, наполненную счастьем.

Улыбнувшись еще раз, я тоже вышла из комнаты и направилась вниз по лестнице. Я хотела отыскать Лизу и попрощаться с ней. Я больше не дрожала и не испытывала сомнений, душа ждала прекрасных перемен.

Глава 6. Мой новый дом

Андрей Дмитриевич утром приехал сам, а не отправил к нашему дому водителя. Не помню, когда еще мою грудь так распирало от гордости. Поздоровавшись со всеми, он отказался от чая, произнес несколько вежливых фраз, добавил слова благодарности, подхватил чемодан и спортивную сумку, и мы отправились к машине. Именно в этот момент я отчетливо почувствовала май с его свежестью, теплом и еле уловимыми цветочными ароматами. Весна подходила к концу, но в моей душе она только начиналась.

– Пристегнись, – сразу попросил папа, и я с удовольствием щелкнула замком ремня безопасности.

Дорога – это подходящее время, чтобы задать вопросы, удовлетворить любопытство и просто разведать обстановку. Но сердце пело, и я поняла, что хочу получить как можно больше сюрпризов от происходящего. Так зачем же спрашивать? К тому же разговор о школе довольно быстро перескочил на тему будущих путешествий. А я нигде не была и, наверное, часами могла слушать о других странах, достопримечательностях, вкусной и необычной еде.

«Твой отец живет не в московской квартире, и не в страшной деревенской лачуге, почерневшей от копоти... Его дом – это роскошная усадьба, утопающая в зелени деревьев. Кованые ворота высоченные, и открываются сами,

будто по волшебству. А к воротам тянутся ровные стриженные кусты с мелкими бордовыми листьями...» Слова Лизы вспыхнули в памяти, как только мы свернули с главной дороги к коттеджному поселку. Я ожидала сказку, и она встретила меня, подарив удивление и смущение. Я все же не представляла, где буду жить. Когда ворота автоматически разъехались в стороны, и я увидела дом с колоннами, то... Сердце ухнуло, а по коже побежали мурашки.

На участке, конечно же, работал невидимый садовник. Растения располагались в особом порядке, который сразу и не поймешь, но именно эти линии и волны отвечали за красоту. Дом и беседка были одного цвета. Цвета чайной розы. Дорожки убегали в разные стороны: некоторые были выложены мелкими светло-серыми камушками, а некоторые походили на булыжную мостовую. Вдалеке, ближе к забору, я сразу увидела скамейку, а рядом с ней – столик. И я поняла, что это будет одно из моих любимых мест. В тишине яблонь так хорошо рисовать...

Мы подъехали к воротам. Андрей Дмитриевич взял мобильный телефон и сообщил кому-то о нашем прибытии. Наверное, жене. Поднимаясь по ступенькам к двери дома, я думала о том, а будет ли эта женщина рада появлению чужого ребенка? Конечно, я уже не маленькая и самостоятельна во всех отношениях, но все же...

Мы оказались в очень просторной белой прихожей. Большая часть левой стены, как я поняла, являлась встроенным

шкафом, а по правой стороне тянулись бархатные кресла и диван насыщенного бордового цвета.

– Пойдем, – с улыбкой произнес Андрей Дмитриевич и указал на арочную дверь.

Всего несколько шагов отделяли меня от новой семьи, и неожиданно для себя я сделала их уверенно. Но стоило очутиться в гостиной, как ноги прилипли к полу и дыхание сбилось. И тому виной была вовсе не королевская люстра, состоящая из множества хрустальных висюлек. И не три тяжелые картины, украшавшие одну из стен. И не роскошный лаковый рояль. И не прочая богатая обстановка...

Около окна стояли два молодых человека. Лет восемнадцати-девятнадцати. И они были абсолютно одинаковые. Как две капли воды! Голубые джинсы, белые свободные рубашки навыпуск с расстегнутыми верхними пуговицами. Глаза, носы, губы, прически... Рост. Чуть приподнятые подбородки.

«Близнецы! – пронеслось в голове обжигающей стрелой, и я уставилась на них так, точно увидела новое чудо света. – Мои сводные братья – близнецы! И они уже взрослые... Мальчишки, как их называет папа».

– Познакомься, – донесся голос Андрея Дмитриевича, – Егор и Павел. Не сомневаюсь, они будут оберегать тебя с утра и до вечера. А это наша Дженни.

Я кивнула.

Самым удивительным было то, что братья одинаково оде-

вались. Даже мои одноклассницы-близнецы Соня и Оля давным-давно носили разную одежду. И если одна накручивала длинные волосы, то вторая постриглась еще год назад и теперь обожала прямое каре.

«И как я смогу их различать? Кто из них Егор?.. А кто Павел?..»

– Очень приятно, – ровно произнес брат справа.

– Очень приятно, – точно так же произнес брат слева.

Их взгляды не просто были направлены в мою сторону, они проникали в меня и цепко ловили и изучали каждое движение, вдох и выдох. Хотя я особо не шевелилась.

И вдруг, с некоторым опозданием, оправившись от шока, я поняла, что этот спектакль разыгран специально для меня. Да, внешне они неотличимы, но внутренне точно разные, как все братья и сестры. И каждый день они вовсе не одеваются так...

«Я вас раскусила», – мысленно улыбнулась я, пытаюсь угадать, кто же все-таки из них Егор, а кто Павел. И у кого какой характер...

– Дженни, познакомься с моей женой. Лена. Елена Валерьевна.

Автоматически повернув голову к окну, я увидела ту самую стройную красивую женщину, что была на фотографии с отцом. Она расслабленно сидела в кресле, положив ногу на ногу, и без тени каких-либо эмоций смотрела на меня. На широком подлокотнике стояла изящная голубая чашка,

а рядом на блюде лежала шоколадная конфета. И эта картинка очень напоминала страницу глянцевого журнала.

– Добро пожаловать в наш дом, – спокойно произнесла Елена Валерьевна, и на ее ухоженном лице появилась полуулыбка.

– Спасибо, – вежливо ответила я. И, не в силах больше бороться с собой, молниеносно перевела взгляд обратно на близнецов. Не знаю почему, но они притягивали меня и не отпускали. Это было странно, так как кровного родства между нами не имелось, да и ничто общее нас не объединяло. Наоборот, Егор и Павел казались двумя пришельцами из другого мира. Я подавила желание сделать несколько шагов вперед, а так хотелось...

«И они не похожи на Елену Валерьевну. У нее волосы светло-русые, а у Егора и Павла гораздо темнее... Но, возможно, она их красит».

– Пойдем, я покажу твою комнату. Устроишься и отдохнешь, – перебил мысли папа. – А встретимся за обедом, тогда и познакомишься со всеми поближе.

Около двери я обернулась. Егор и Павел стояли все в тех же позах и смотрели на меня. Если бы не присутствие Елены Валерьевны, я бы, наверное, не удержалась и показала им язык. Просто так. Нечего меня разыгрывать.

– Дом очень красивый, – искренне сказала я, поднимаясь по лестнице.

– Абсолютно с тобой согласен, – улыбнулся папа. – Но по-

ка ты видела лишь его малую часть.

Мне отдали одну из гостевых комнат. Андрей Дмитриевич, прежде чем уйти, попросил хорошо подумать и решить, какие перемены интерьера потребуется. Но я не смогла бы нарушить это волшебство... Только для учебы требовался письменный стол, и все. Светлый паркет, белые обои с тонкими прожилками редкого серебристого узора, огромная кровать, покрытая наимягчайшим покрывалом нежно-розового цвета. Дорожка небольших и аккуратных светильников по правой стене, необычная люстра, точно сплетенная из множества хрупких веток. Серое кресло, напоминающее по форме пухлый тюльпан. Журнальный столик, а на нем – лист бумаги со списком телефонов.

– «Елена Валерьевна, Егор, Павел, Вера – кухня, Эмма – помощница по хозяйству, Кирилл – водитель...» – начала я читать, а затем подошла к кровати и села на край. – Та-а-ак... Лучше сразу занести все номера в мобильник.

Я ожидала смятение и волнение, но стены дома приняли меня. В душе больше не выросли преграды, вопросы торопливо не насккивали друг на друга, и не было места никакому сожалению. Даже странно, как незнакомое столь быстро может стать теплым и уютным... Обходя комнату по периметру, разглядывая детали интерьера, я счастливо улыбалась.

«Новая жизнь началась. И теперь у меня есть два брата-близнеца».

Мысленно я все возвращалась и возвращалась в гостиную. Казалось, я еще чувствую направленные на меня взгляды. Только теперь я понимала, что они были разными, но какими именно?..

В дверь постучали, я обернулась и ответила:
– Войдите.

* * *

Когда он переступил порог комнаты, я не удивилась. Так бывает, незаметно для себя ждешь чего-то, и вот оно случается.

Белую рубашку сменила синяя футболка. Челка упала на лоб, а не была убрана назад, как в гостиной. В движениях чувствовалась свобода, потому что спектакль окончен и роль позабыта. Правда, остались голубые джинсы. Но ни носков... ни тапочек... Он пришел босиком.

– Как тебя зовут? – спросила я, поймав добрые искры в миндалевидных глазах.

Наверное, Вика не назвала бы моих братьев красавчиками, они не подходили под это определение. Но их внешность точно была притягательной, и сейчас, когда один из них стоял близко, я еле сдерживалась, чтобы не начать откровенно разглядывать Егора... или Павла?.. Высокие скулы, чуть заостренный прямой нос, серо-голубые глаза. Густые, пожалуй, даже тяжелые брови, квадратный подбородок...

Я сожалела, что являюсь плохим портретистом, именно такие лица интересно рисовать. Как говорил наш учитель по изобразительному искусству Иван Петрович, это универсальная внешность. *«Посмотрите внимательно. Такой человек может оказаться и абсолютно добрым, и абсолютно злым. Вы никогда не определите, какие у него внутренние качества. А если попробуете, то наверняка ошибетесь. Конечно, это все при условии беспристрастности самого художника»*. Не могу сказать, что я была согласна с Иваном Петровичем. Бывает, человек выглядит милым, а в душе... А в душе у него живут жабы. Внешность, в принципе, штука обманчивая, и ошибиться можно в любом случае.

– Павел, – ответил он и улыбнулся.

– Теперь я тебя хорошенько рассмотрела и не перепутаю, – уверенно произнесла я. – А кто из вас решил меня разыграть? Вы же обычно не одеваетесь одинаково, да? Вы для этого слишком взрослые.

Павел искренне засмеялся, а затем заглянул мне в глаза.

– Честно говоря, это была моя затея. И, между прочим, Егора не так уж легко уговорить на подобные глупости. Пришлось постараться. Кстати, я заранее просил отца не рассказывать тебе о нашем сходстве. Мне хотелось увидеть выражение твоего лица. И... я им вполне наслаждался.

– То есть и папа в этом участвовал? Получается, вы устроили настоящий заговор против меня. – Наклонив голову набок, я улыбнулась.

– Совсем маленький заговор, не обижайся.

– А я и не обижаюсь.

– Тебе пятнадцать лет?

– Да. Шестнадцать будет в октябре. А тебе?

– Девятнадцать.

– Где учишься?

– В Университете управления. Но я по сравнению с Егором обыкновенный оболтус. Он грызет гранит науки и еще работает у отца. Вникает, помогает... – Павел подошел к окну, посмотрел на двор, развернулся и предложил: – Прогуляемся после обеда? Я покажу тебе участок и окрестности.

– Да, спасибо. Пожалуй, экскурсия мне действительно потребуется.

– Ладно, не стану мешать. Просто хотел сказать... Добро пожаловать в наш дом. Я всегда мечтал о младшей сестре, так что теперь буду усиленно о тебе заботиться. Готовься. – Павел вновь улыбнулся, на этот раз широко, будто я действительно являлась его сбывшейся мечтой, и добавил: – Если тебе потребуется какая-либо помощь, обращай ко мне, не стесняйся. Решим все твои проблемы.

И он ушел, оставив в душе некоторое замешательство. Я написала Лизе, что добралась, проигнорировала два сообщения от Вики, вынула из чемодана вещи и разложила их по полкам. Затем подумала, где бы лучше поставить письменный стол, и... Все же попыталась понять – что меня тревожит?

– Они мне не братья, вот в чем дело... – тихо произнесла я, автоматически взяла мобильный телефон и прочитала вопросы Вики: *«Как там? Ну как же там?!»* и *«Еще не жалеешь, что уехала? Пришли фотку своей комнаты!»*

Я встала около двери, сфотографировала ту часть комнаты, где располагалась кровать, написала: *«У меня все отлично, скоро буду обедать»* и отправила сообщение.

Если бы я росла вместе с Егором и Павлом, меня бы особо ничего не беспокоило. Кровное родство же вовсе не обязательно. Мы бы таскали друг у друга карандаши и ластики, Павел бы заступался за меня в школе, нам бы дарили подарки на семейных праздниках, и каникулы мы бы проводили вместе. Но я неожиданно получила двух слишком взрослых братьев. То есть...

И еще.

Из головы никак не уходили слова Павла: *«Если тебе потребуется какая-либо помощь, обращай ко мне, не стесняйся»*. Все же приятно, когда о тебе заботятся.

* * *

Ближе к обеду аппетит затянул свою нетерпеливую песню. Видимо, адаптация у меня закончилась.

«А нужно было нормально завтракать», – поддела я себя и посмотрела на часы. Ждать оставалось недолго. И минут через двадцать за мной пришел папа. Почему-то в этих стенах

мне стало совсем просто называть так Андрея Дмитриевича. Еще немного, и я наверняка смогу произнести это вслух.

– Я заказал для тебя письменный стол и ноутбук, привезут к вечеру, – сказал он. – Должны же у тебя быть подарки по поводу личного новоселья.

– Спасибо... – выдохнула я, прижав ладонь к груди. – Спасибо! Спасибо!

– Давненько никто меня так не благодарил, – усмехнулся папа. – Пойдем, уверен, ты голодна.

Я не сомневалась, что за большим круглым столом у каждого свое место. Мы пришли первые, и я замерла, не зная, куда можно сесть. Столовая новой семьи сильно отличалась от столовой дяди и тети, и взгляд почти сразу запрыгал по стенам и обстановке. Главным отличием являлись легкость, простор и цвета. У Юрия Викторовича и Марины Аркадьевны всегда была любовь к массивной мебели и множеству полок. Они собирали коллекцию глиняных тарелок, им нравились доски с натюрмортами и кружки с изображением различных городов. А здесь отсутствовали лишние предметы, зато на полу стояли горшки с высокими сочными растениями, светлые стены чуть отливали перламутром, а вторая половина столовой напоминала мини-библиотеку с небольшой мягко-диванной зоной.

– Вот твое место, – произнес Андрей Дмитриевич и сел правее от меня через один стул.

«Интересно, кто устроится между нами? Елена Валерьев-

на, Павел или Егор?»

Глава 7. Большая Медведица

Если раньше меня беспокоило, что папа, возможно, сильно любит других своих детей, то теперь ревность и эгоизм затянули новую песню. Конечно, раз Андрей Дмитриевич женился на Елене Валерьевне, то он испытывал к ней определенные чувства, но... Он не должен забывать мою маму. И хорошо, что я на нее очень похожа. Я – самый лучший напоминатель.

Когда в столовую вошла Елена Валерьевна, я осторожно покосилась на папу. Улыбнувшись жене, чуть кивнув, он сразу перевел взгляд на Павла и Егора, появившихся следом. Мне еще предстояло узнать, у кого какие отношения в семье, и я решила быть наблюдательной. Более того, эта часть новой жизни походила на хитроумный квест, и не терпелось его разгадать.

Павла я определила сразу, да и в данном случае не пришлось мысленно метаться даже секунду. Он сразу посмотрел на меня приветливо, как старый знакомый, и подмигнул. И синяя футболка на нем была все та же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.